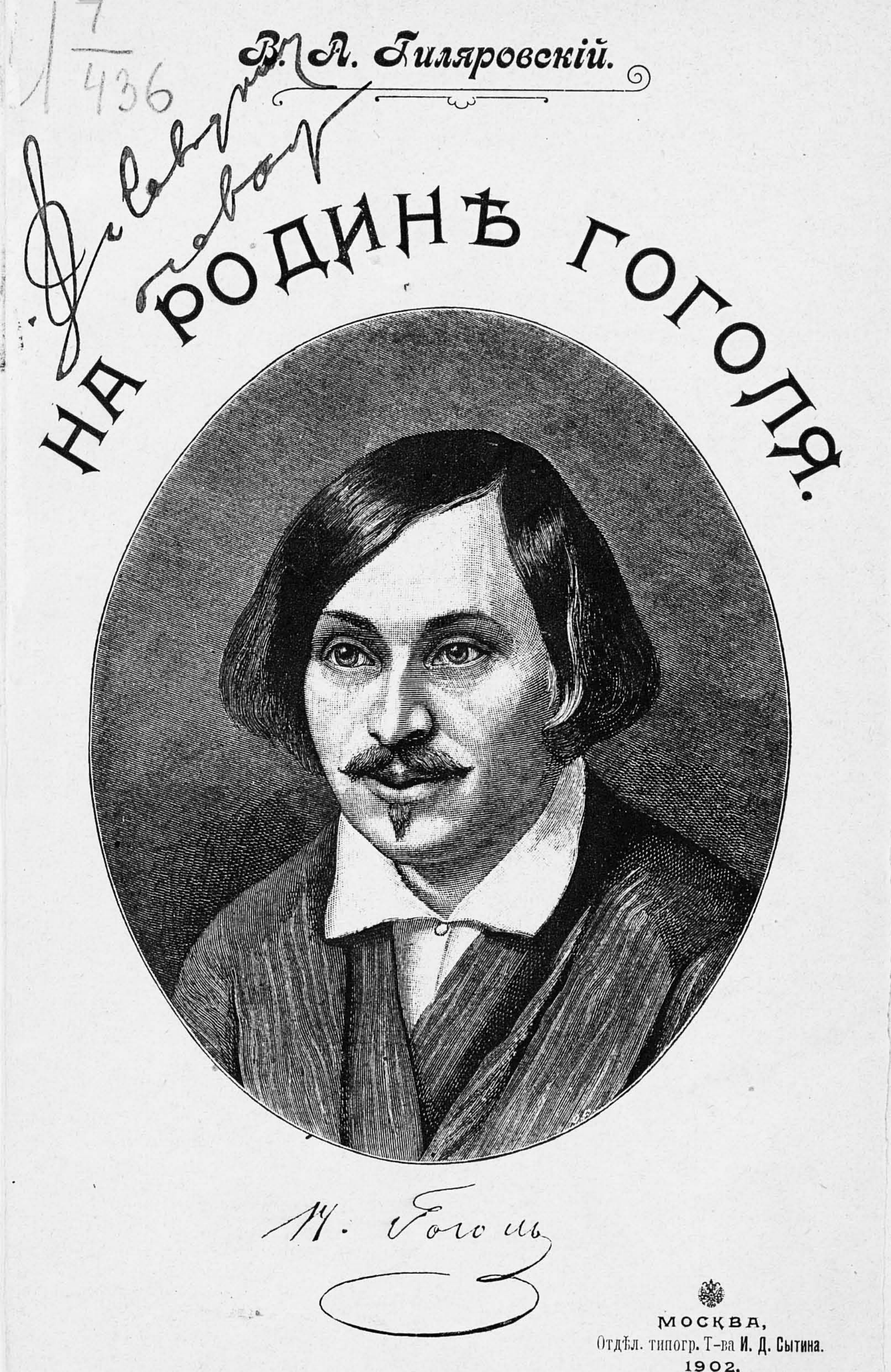

В. А. Гиляровскій.

НА РОДИНѢ ГОГОЛЯ.

МОСКВА,
Отдѣл. типогр. Т-ва И. Д. Сытина.
1902.

В. А. Гиляровскій

НА РОДИНѢ ГОГОЛЯ.

(Изъ поѣздки по Украйнѣ).

Отдѣленіе типографіи Товарищества И. Д. Сытина, Петровка, д. № 21.
Москва.—1902.

Дозволено цензурою. Москва, 20 февраля 1902 года.

НА РОДИНѢ ГОГОЛЯ.

(Изъ поѣздки по Украйнѣ).

I.

Н. В. Гоголь родился 20 марта 1809 года въ мѣстечкѣ Большіе Сорочинцы, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи.

До настоящаго времени считали, что Гоголь родился 19 марта 1809 г. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ и В. И. Шенрокъ въ своихъ матеріалахъ для біографіи Гоголя. Въ первомъ томѣ матеріаловъ онъ говоритъ слѣдующее: „Н. В. Гоголь родился 19 марта 1809 года въ мѣстечкѣ Сорочинцы, находящемся на границѣ Полтавскаго и Миргородскаго уѣздовъ. Случайное обстоятельство было причиной пріѣзда матери Гоголя передъ родами въ Сорочинцы: ее привели туда опасеніе, послѣ двухъ неудачныхъ родовъ, за жизнь будущаго ребенка и надежда на помощь и искусство мѣстнаго врача (Трахимовскаго). Вслѣдствіе той же болѣзни ею данъ былъ обѣтъ, если родится сынъ, назвать его Николаемъ, въ честь чудотворнаго образа, называвшагося Николаемъ Диканьскимъ. Свѣдѣнія эти сообщены Г. П. Данилевскимъ на основаніи данныхъ, собранныхъ на мѣстѣ, тогда какъ прежде родиной Николая Васильевича ошибочно считали Васильевку, родовое имѣніе его отца (см. ст. Кулиша, *Отеч. Зап.* 1852 г., стр. 4)“.

Мнѣ, въ мою послѣднюю поѣздку въ Малороссію въ 1899 году, удалось собрать вѣрныя свѣдѣнія о днѣ и мѣстѣ рожденія Гоголя и пришлось видѣть современниковъ Гоголя, знавшихъ его лично.

Завѣдующій Дубровскимъ коннымъ заводомъ, отстоящимъ въ 12 верстахъ отъ Миргорода, Ф. Н. Измайловъ, у котораго я былъ въ началѣ прошлаго января, узнавъ о моемъ желаніи посѣтить Миргородъ и Сорочинцы, предложилъ мнѣ лошадей и сдѣлалъ указанія, къ кому обратиться за свѣдѣніями о Гоголѣ.

Лошади были готовы, и чудная дубровская, кругомъ орловская тройка черезъ 35 минутъ, несмотря на занесенную снѣгомъ дорогу, домчала меня до Миргорода, до того самаго Миргорода, гдѣ цѣликомъ, съ натуры, были списаны дѣйствующія лица „Ревизора".

При въѣздѣ во всякій почти русскій уѣздный городъ обыкновенно наткнешься на острогъ. Миргородъ является исключеніемъ: это миръ-городъ, гдѣ даже острога не существуетъ, а въ предполагавшемся для острога зданіи едва ли не помѣщается школа.

Но впечатлѣніе при въѣздѣ въ городъ все-таки непріятное: слѣва отъ дороги—кладбище, а справа—монополія.

Пей—и умирай!

Судя по прекрасному зданію монополіи, можно ожидать, что со временемъ въ *миръ-городѣ* выстроятъ и острогъ!

Зато далѣе глазъ отдыхаетъ на роскошныхъ зданіяхъ Гоголевскаго училища, расположеннаго въ молодомъ саду.

— Гоголевское! — съ гордостью говорятъ миргородцы и сорочинцы. Здѣсь Гоголемъ гордятся, и все бы, кажется, готовы назвать Гоголевскимъ. Послѣдній мальчуганъ читалъ его сочиненія, а нынѣшній годъ въ каждомъ домѣ имѣется *Нива*, благодаря тому, что къ ней приложены сочиненія Николая Васильевича.

— Нашъ Гоголь!—говорятъ здѣсь.

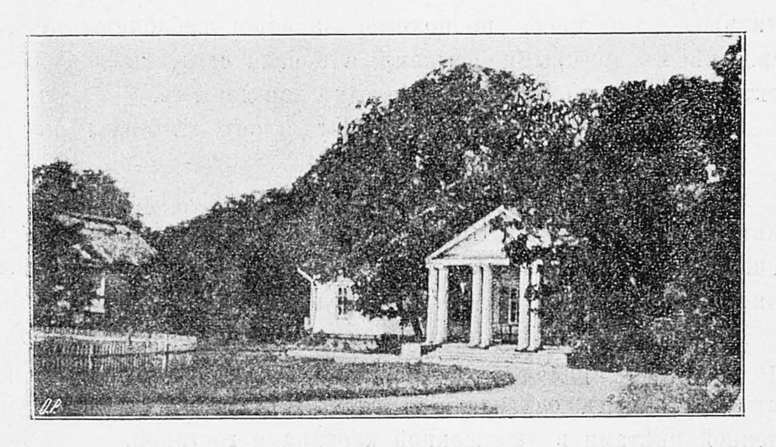
Только развѣ нѣкоторые потомки героевъ „Мертвыхъ душъ" какъ-то неохотно вспоминаютъ о великомъ писателѣ: такъ мѣтко были описаны ихъ дѣды и отцы.

О тѣхъ гоголевскихъ типахъ, потомки которыхъ живы, я не считаю удобнымъ говорить, а о другихъ, вымершихъ, скажу ниже.

Въѣхавъ въ городъ, я направился въ уѣздную земскую управу, къ предсѣдателю С. И. Смагину, съ которымъ еще давно я познакомился у Ан. П. Чехова и не разъ встрѣчался въ Москвѣ. Въ управѣ я встрѣтился съ мѣстнымъ судебнымъ слѣдователемъ, старожиломъ Миргорода, М. В. Домбровскимъ, и тотчасъ же разговорились о Гоголѣ. Между прочимъ, М. В. Домбровскій показалъ мнѣ только что полученное объявленіе объ изданіи „Исторіи русской словесности", составленной П. Н. Полевымъ, и обратилъ

вниманіе на прекрасно исполненный рисунокъ, съ подписью: „Домъ, гдѣ родился Гоголь, въ сельцѣ Васильевкѣ“.

— Прекрасный рисунокъ, и домъ очень похожъ,—сказалъ М. В.,—только одно невѣрно, а именно: Гоголь въ этомъ домѣ только жилъ, а родился онъ въ Сорочинцахъ, въ домѣ Трахимовскаго; домикъ этотъ цѣлъ и теперь, и принадлежитъ становому приставу г. Ересько. Да не хотите ли проѣхаться въ Сорочинцы,—у меня кстати тамъ есть дѣло; а васъ познакомлю кой съ кѣмъ изъ современниковъ Гоголя. Итакъ, черезъ часъ я къ вашимъ услугамъ, а пока посмотрите наше Гоголевское училище.

Старый Гоголевскій домъ въ Яновщинѣ; теперь уничтоженъ.

С. И. Смагинъ провелъ меня въ училище, директоръ котораго С. И. Масленниковъ, показалъ намъ классы, мастерскія и музей. Училище это, состоящее въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ, носитъ названіе „художественно-промышленная школа, имени Н. В. Гоголя, полтавскаго губернскаго земства, въ Миргородѣ“. Въ училищѣ 180 учениковъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, главнымъ образомъ изъ бѣднаго класса населенія. Мы попали во время, когда ученики были отпущены обѣдать, и въ мастерской я засталъ двухъ мальчиковъ, которые кончали работу, лѣпя бюстъ Гоголя. Рядомъ стоялъ прекрасно исполненный, почти готовый, но еще сырой бюстъ „дѣдушки Крылова“. Въ музеѣ училища много бюстовъ, масса изящной маіолики и рисунковъ. Въ мастерской почти готовый маіоликовый иконостасъ для русской церкви въ Буэносъ-Айресѣ. Интересна система преподаванія рисованія для составле-

нія орнаментовъ. Вотъ первый попавшійся большой листъ акварели. На уголкѣ чрезвычайно живо нарисованъ пучокъ травы, прямо сорванный съ луга и измятый ногами: по ней прошли. Дальше каждая травка, каждый цвѣточекъ, каждый лепестокъ нарисованы отдѣльно, и изъ всего этого внизу листа сдѣланъ удивительно эффектный орнаментъ, скомбинированный по фантазіи ученика изъ травки и лепестковъ. При этомъ каждый ученикъ дѣлаетъ свое и не смѣетъ заимствовать у другого.

Гоголевское училище существуетъ только три года, а сдѣлало уже много новаго: директоръ вкладываетъ всю душу въ это дѣло и пользуется любовью какъ учениковъ, такъ и всего города. Это училище—дѣло живое, не похожее на наши шаблонныя учебныя заведенія съ мертвыми языками, а попади сюда шаблонный директоръ—училище было бы мертвымъ заведеніемъ.

Я высказалъ эту мысль директору, и онъ отвѣтилъ:

— У насъ нельзя: мы—гоголевскіе!

М. В. Домбровскій былъ аккуратенъ, и черезъ два часа, сдѣлавъ 24 версты по пустынной снѣжной степи, мы были въ Сорочинцахъ и остановились передъ хорошенькимъ одноэтажнымъ домомъ, принадлежащимъ О. З. Королевой, современницѣ Гоголя.

Поднявшись на рѣзное крыльцо съ колоннами и пройдя сѣни, мы вошли въ прихожую, гдѣ босая дѣвчина помогла намъ раздѣться, и затѣмъ очутились въ большомъ свѣтломъ залѣ и уставленной цвѣтами и украшенной картинами гостиной.

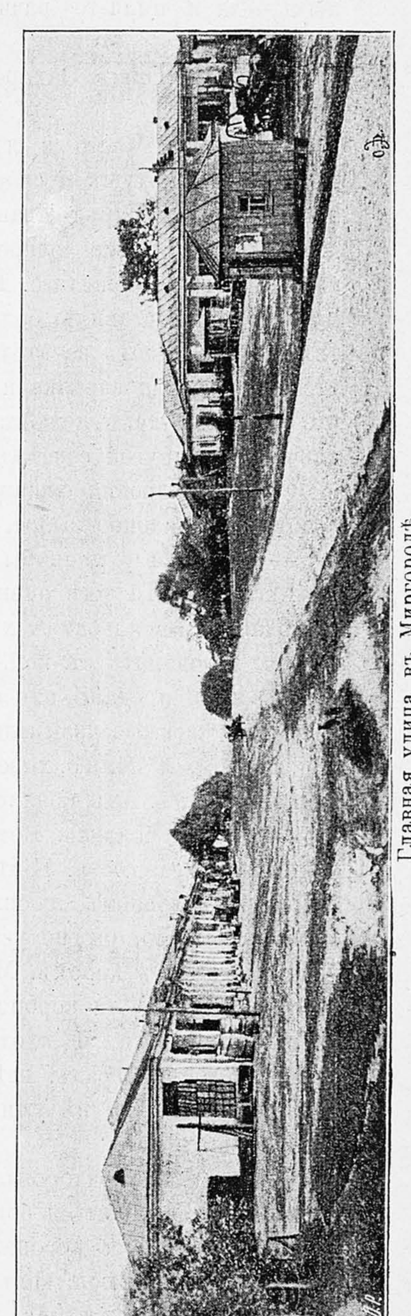
Здѣсь насъ встрѣтила невысокая старушка въ чепцѣ и темномъ платьѣ. Это и была Ольга Захаровна; небольшого роста, еще очень бодрая, несмотря на свои 75 лѣтъ, типичная малороссіянка, съ добрыми сѣрыми глазами.

Какъ родного приняла она моего спутника, друга ея покойнаго мужа, и ласково заговорила со мной, узнавъ о цѣли поѣздки.

Едва мы сѣли на диванъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ зазвенѣла посуда, и мы, по предложенію хозяйки, встали и очутились въ столовой, за накрытымъ столомъ, уставленнымъ всевозможными наливками.

— Это что! — глубоко вздохнула хозяйка. — Развѣ теперь у насъ въ Малороссіи живутъ? Да развѣ такъ было прежде? А вы удивляетесь на наливки? Чего-чего, бывало, на столъ-то не наставятъ! Да и водки-то какія были, все перегонныя: и на анисѣ, и на тминѣ, и на мятѣ, и на звѣробоѣ, и зорныя отъ семидесяти болѣзней, и на ягодахъ, и на фруктахъ, и на цвѣтахъ раз-

Гоголевское училище въ Миргородѣ.

Главная улица въ Миргородѣ.

ныхъ,—да и пили-то развѣ такъ? Пили и никакихъ катаровъ не знали!

— А вы, Ольга Захаровна, хорошо помните Гоголя?—спросилъ я.

— Эге жъ! Часто и я у нихъ въ Яновщинѣ бывала, и онъ къ намъ съ матушкой своей и сестрицами въ гости ѣздилъ. Моложавая была Марья Ивановна, матушка его! Бывало, принарядится—такъ моложе дочерей своихъ выглядываетъ. Она пережила своего сына знаменитаго. Да, Николай Васильевичъ большую память о себѣ оставилъ, большую! А кто тогда думалъ! Смирный, тихій былъ. Сядетъ за столъ, бывало, опуститъ голову, слушаетъ, что говорятъ, да изрѣдка нѣтъ-нѣтъ да и взглянетъ. А если кому что скажетъ—какъ ножомъ обрѣжетъ! Вотъ съ парубками да съ дивчатами—другой совсѣмъ: веселый, пѣсни поетъ.

Ольга Захаровна оживилась и, повидимому, съ удовольствіемъ вспоминала далекое былое.

— Бабушка у меня была,—продолжала она,—Софья Матвѣевна Аксюкова. Та ужъ очень часто по-малороссійски говорила, а Николай-то Васильевичъ хуже говорилъ, такъ онъ къ ней часто ѣздилъ поговорить съ ней. Кромѣ того, бабушка знала множество разсказовъ и преданій изъ старины малорусской, изъ гетманщины, и сколько она разсказывала Гоголю! Подолгу бесѣдовали, бывало, они. Все это я помню, хорошо помню: молода была тогда и всѣмъ интересовалась. Ахъ, боялись, вотъ какъ боялись его многіе! Ужинать съ нимъ боялись. Вотъ какой случай былъ. Собрались разъ у помѣщика Ч. гости. Пріѣхалъ сосѣдъ, помѣщикъ М. Этотъ М., большой гастрономъ, любилъ больше всего голову коропа-рыбы. Никому, бывало, ея не уступитъ. Ч. сказалъ М., что у него за ужиномъ будетъ коропъ. М. весь вечеръ только и думаетъ, скоро ли ужинъ, скоро ли коропа подадутъ! Сѣли всѣ за столъ—вдругъ дверь отворяется, и входитъ Николай Васильевичъ. Ужъ онъ тогда многое написалъ, всѣ его знали у насъ. Пришелъ, а нѣкоторымъ ужинъ не въ ужинъ! Мнѣ, ужъ много послѣ, самъ М. разсказывалъ такъ:

— Вошелъ, поздоровался, да и сѣлъ, да, на грѣхъ, рядомъ со мной. Пошевелиться боюсь—вдругъ опишетъ! Кусокъ въ ротъ не идетъ. Подаютъ коропа: жирный, зарумянился, головастый. А я дотронуться боюсь, какъ на иголкахъ сижу. Такъ вѣдь и не ѣлъ я, и голова осталась. Дождался конца ужина, да и бѣжать. Пріѣзжаю домой и спрашиваю у жены ужинать, а та удивляется,

какъ это изъ гостей да голодный пріѣхалъ. Ну, и объяснилъ я ей, что Гоголя испугался. Вотъ какой былъ Николай Васильевичъ.

Слушая Ольгу Захаровну, я все время записывалъ каждое ея слово.

— Вы меня простите, что я записываю ваши разсказы,—они драгоцѣнность, и я считаю своею обязанностью сохранить ихъ отъ слова до слова.

— Пожалуйста, пожалуйста... И я рада этому, а то забудется...

— А гдѣ родился Гоголь?

— Здѣсь, въ Сорочинцахъ, въ домѣ Трахимовскаго, близъ Преображенской церкви. Тамъ его и окрестили. А Трахимовскій былъ знаменитый на всю округу докторъ, къ нему много даже изъ другихъ губерній больныхъ съѣзжалось. При домѣ былъ у него флигелекъ для пріѣзжихъ больныхъ, гдѣ они останавливались. Вотъ въ этомъ-то самомъ флигелѣ,—такъ, о двѣ комнаты, я въ немъ много разъ бывала,—и Марья Ивановна остановилась, да тутъ и разрѣшилась благополучно сынкомъ. Въ этой же церкви его и крестили. Это мнѣ и сама Марья Ивановна разсказывала, да и всѣ знаютъ.

— Не помните, не говорили вамъ, какого числа онъ родился?

— Нѣтъ, не упомню.

— Это мы справимся въ церковномъ архивѣ, если его здѣсь крестили,—сказалъ М. В. Домбровскій.

И мы рѣшили отсюда отправиться въ церковь, но снова заговорились.

— Скажите, Ольга Захаровна, любили здѣсь Гоголя, послѣ того какъ его произведенія появились въ печати?

— Далеко не всѣ. Кто попалъ къ нему подъ перо, тѣ не любили, вотъ какъ не любили! Особенно миргородскіе чиновники ненавидѣли: вѣдь весь „Ревизоръ“ съ нихъ цѣликомъ списанъ.

— А вы помните тѣхъ лицъ, съ кого онъ писалъ?

— Двоихъ лично знала: городничій списанъ съ миргородскаго городничаго Носенка, а почтмейстеръ—съ почтмейстера Мамчича. Умерли оба. Смѣшной этотъ Носенко былъ: худой, длинный, чудакъ такой. А Мамчичъ, старикомъ ужъ я его помню, — бритый, сѣдой, все на клиросѣ пѣлъ. Всѣ тогда себя узнали; портреты вѣрные были.

— А какой самый лучшій портретъ Гоголя?

— Измѣнчивый онъ былъ лицомъ, и всѣ портреты похожи. А самый лучшій, самый похожій все-таки въ Яновщинѣ, у Н. В. Бы-

кова. Вы помните, М. В.,—обратилась хозяйка къ Домбровскому,— въ гостиной висѣлъ, въ черномъ, съ золотой цѣпью на шеѣ? Да, это — лучшій портретъ, всѣ говорятъ. Онъ работы Моллера, и снимковъ съ него нѣтъ, ни одного напечатано не было. Тамъ, рядомъ съ портретомъ, есть еще гравюра съ Рафаеля, Преображеніе Господне, подаренная Гоголю въ Римѣ профессоромъ Іорданомъ. Интересна судьба этой гравюры. Въ Яновщинѣ никто не зналъ о ея существованіи. Она валялась въ хламѣ, на чердакѣ. Вдругъ получается письмо изъ Москвы, кажется, отъ покойнаго П. М. Третьякова,—навѣрно, не помню, — съ просьбой продать эту гравюру, а о ней никто и не знаетъ! Стали искать, искать и нашли на чердакѣ, подмоченную, попорченную.

Я посмотрѣлъ на Ольгу Захаровну. Она, видимо, утомилась, и мы, поблагодаривъ гостепріимную хозяйку, дорогую современницу Гоголя, откланялись и направились въ домъ, гдѣ родился Гоголь.

Въ тѣ времена, какъ я уже говорилъ, домъ принадлежалъ доктору Трахимовскому, потомъ былъ проданъ помѣщику г. Чарнышу, а потомъ г. Александренку, и отъ него уже пріобрѣлъ его настоящій владѣлецъ, становой приставъ П. М. Ересько.

Шагая по глубокому снѣгу, мы добрались до Преображенской улицы, и М. В. указалъ мнѣ на маленькую, крытую желѣзомъ мазанку, бѣлѣвшуюся сквозь деревья садика.

— А вотъ и домъ, гдѣ родился Гоголь. Зимой онъ запертъ: владѣлецъ въ немъ живетъ только лѣтомъ, а теперь онъ обитаетъ вотъ въ этомъ, большомъ, куда мы съ вами и направимся.

На стукъ въ парадную дверь вышла миловидная барышня и на вопросъ: „дома ли Павелъ Моисеевичъ“, отвѣтила, что дома, и попросила войти. Домовладѣлецъ,—пожилой, небольшого роста господинъ, одѣтый въ форменную тужурку, живой, энергичный, несмотря на изрядную сѣдину. Онъ встрѣтилъ съ распростертыми объятіями М. В., который что-то ему сказалъ на ухо, послѣ чего хозяинъ весьма любезно попросилъ насъ въ гостиную, гдѣ на столѣ лежалъ 1-й томъ Гоголя, и моментально появились всевозможныя наливки, которыми Павелъ Моисеевичъ славится на всѣ Сорочинцы.

П. М. Ересько двадцать лѣтъ служитъ въ Сорочинцахъ въ настоящей должности, а ранѣе тоже служилъ по полиціи въ другихъ уѣздахъ Полтавской губерніи. Домъ онъ пріобрѣлъ уже нѣсколько лѣтъ, и Гоголевскій флигель бережетъ въ томъ же видѣ, какимъ онъ былъ девяносто лѣтъ назадъ. Только крыша положена желѣзная, а остальное все осталось по-старому, если не считать не-

большой пристройки, сдѣланной къ флигелю сзади. Въ этой пристройкѣ помѣщается только одна комната, служащая архивомъ старыхъ полицейскихъ дѣлъ.

Побесѣдовавъ нѣсколько минутъ, мы пошли смотрѣть флигель. Это, какъ я уже говорилъ,—обыкновенная, чисто побѣленная мазанка, съ дверью посерединѣ. Дверь эта ведетъ въ большую комнату съ глинобитнымъ поломъ, въ правомъ углу которой расположена большая печка, а рядомъ съ ней—дверь, ведущая въ пристройку. Налѣво—дверь въ комнату, гдѣ когда-то докторъ Трахимовскій располагалъ своихъ паціентовъ и гдѣ родился девяносто лѣтъ назадъ Николай Васильевичъ Гоголь.

Нѣтъ ни Трахимовскаго, нѣтъ ни Гоголя, ни лицъ, съ которыхъ онъ рисовалъ свои незабвенные типы, а стѣны домика, слышавшія первый крикъ великаго писателя, цѣлы, и мы среди нихъ.

Особое, совершенно особое чувство благоговѣнія испытывалъ я въ этой чисто-выбѣленной комнатѣ, съ четырьмя окнами, два—по одной, два—по другой стѣнѣ.

Пробывъ нѣсколько минутъ, мы вышли на большой дворъ, гдѣ осмотрѣли, между прочимъ, замѣчательно прочный подвалъ, сухой, чистый, оставшійся со временъ гетманщины. Подвалъ этотъ принадлежалъ гетману Малороссіи Даніилу Апостолу, и изъ подвала существуетъ,—теперь заложенный,—подземный ходъ, ведущій до церкви, которая была выстроена Даніиломъ Апостоломъ. А когда она строилась, Апостолъ, по преданію, по ночамъ собиралъ рады въ строящемся зданіи и самъ являлся на эти рады, по преданію, черезъ этотъ ходъ.

Я попросилъ домовладѣльца быть любезнымъ до конца и дать мнѣ подписку, что онъ самъ, и если домъ продастъ, то новые владѣльцы разрѣшили бы поставить надпись на флигелѣ. И П. М. далъ мнѣ расписку слѣдующаго содержанія:

„Даю сію расписку въ томъ, что въ моемъ владѣніи, въ Сорочинцахъ, на Преображенской улицѣ, разрѣшаю повѣсить или установить доску съ надписью: „На этой усадьбѣ родился Николай Васильевичъ Гоголь“. 14-го января 1900 г. М. Б. Сорочинцы, коллежскій асессоръ Павелъ Моисеевичъ Ересько“.

Поблагодаривъ любезныхъ хозяина и хозяйку за гостепріимство, мы направились къ священнику Преображенской церкви, о. Севастіану Павловичу. Было совершенно темно, когда мы подошли къ его дому. П. М. Ересько, какъ добрый знакомый о. Севастіана, вошелъ съ нами въ его домъ и представилъ насъ.

О. Севастіанъ, человѣкъ, слѣдящій за жизнью и литературой, какъ оказалось, давно уже, болѣе 10 лѣтъ тому назадъ, когда только что получилъ приходъ, интересуясь церковнымъ архивомъ, разыскалъ запись рожденія Гоголя, прочелъ ее и опять положилъ книгу въ архивъ, и съ той поры, по его словамъ, книги никто не видалъ и не спрашивалъ.

— Кромѣ меня зналъ объ этомъ нашъ старый священникъ, о. Романъ; но ему уже на девятый десятокъ, и онъ слабъ: сегодня я его соборовалъ. Плохъ ужъ сталъ старичокъ, а еще помнитъ все!

Я обратился къ о. Севастіану за разрѣшеніемъ посмотрѣть метрическія книги за 1809 годъ, на что получилъ согласіе, и мы вчетверомъ отправились въ церковь.

Это—одна изъ древнѣйшихъ церквей Малороссіи, сооруженная Даніиломъ Апостоломъ и освященная вскорѣ послѣ его смерти, 6-го апрѣля 1732 года. Сорочинцы, нѣкогда полковой городъ, когда-то окруженный высокими крѣпостными валами, остатки которыхъ уцѣлѣли до сихъ поръ. Да отъ старины уцѣлѣла Преображенская церковь, построенная полковникомъ миргородскимъ Даніиломъ Апостоломъ и освященная 6-го апрѣля 1732 года. Гетманъ же Даніилъ Апостолъ умеръ въ Глуховѣ 17-го января 1734 г. и 5-го февраля того же года погребенъ въ Преображенской церкви, въ склепѣ. Если поднять три каменныя плиты посрединѣ церкви, то открывается входъ въ склепъ. Прежде въ склепъ свободно допускались посторонніе, но впослѣдствіи это было запрещено, такъ какъ посѣтители разграбили часть украшеній одежды покойниковъ. Склепъ—аршина три глубины, каменный, съ каменной же лѣстницей, ведущей внизъ. Въ длину склепъ около трехъ саженъ, въ ширину—аршина четыре. Направо и налѣво отъ лѣстницы нѣсколько сгнившихъ гробовъ. Лучше другихъ сохранился дубовый гетманскій гробъ. На гробѣ мѣдная дощечка съ цифрами и изображеніемъ заходящаго солнца. Лѣтъ 15 назадъ склепъ осматривалъ миргородскій докторъ А. И. Ксензенко, который видѣлъ останки гетмана. Покойный одѣтъ въ кафтанъ, съ металлическими пуговицами, на немъ сохранилась орденская лента и шитая золотомъ звѣзда ордена св. Александра Невскаго. Тѣло обратилось въ пыль.

Сама церковь о пяти главахъ, отдѣланная лѣпною работой. Здѣсь много старинныхъ иконъ, изъ коихъ двѣ старѣйшихъ писаны съ Апостола и его жены, и находятся: первая—по правой сто-

ронѣ царскихъ вратъ, изображающая гетмана въ полномъ вооруженіи, во весь ростъ, а другая—по лѣвой сторонѣ. На одной изъ каменныхъ колоннъ вдѣлана металлическая доска съ эпитафіей генералу Лесли, павшему въ битвѣ на Днѣпрѣ, при урочищѣ Тамерланъ. Эпитафія—на трехъ языкахъ: русскомъ, латинскомъ и польскомъ. Въ церкви обращаетъ на себя вниманіе старинный, рѣзной изъ дерева иконостасъ замѣчательно тонкой, художественной работы. Но за темнотой нельзя было разсмотрѣть интересныхъ древностей этого стариннаго храма.

Священникъ открылъ архивный шкафъ и вынулъ старую, но хорошо сохранившуюся метрическую книгу о родившихся за 1809 г. И здѣсь, въ срединѣ книги, на правой страницѣ, внизу, стариннымъ, твердымъ почеркомъ написано: „20-го марта у помѣщика Василія Яновскаго родился сынъ Николай и окрещенъ 22-го марта. Воспріемникомъ былъ „господинъ полковникъ Михаилъ Трахимовскій", „молитвовалъ и крестилъ священнонамѣстникъ Іоаннъ Бѣлопольскій". О. Севастіанъ выдалъ мнѣ, по моей просьбѣ, форменную, съ церковной печатью, выпись изъ метрической книги, которая въ настоящее время у меня.

Было уже поздно. Въ степи дулъ страшный буранъ, добраться до Миргорода было невозможно, и мы отправились къ знакомому г. Домбровскаго, помѣщику К. О. Новицкому, гдѣ и заночевали, проведя въ милой бесѣдѣ долгій зимній вечеръ.

На другой день вмѣстѣ съ К. О. Новицкимъ я посѣтилъ о. Романа.

Утромъ къ намъ пришелъ мѣстный Фигаро, современникъ Гоголя, Викторъ Заика, и предложилъ услуги побрить - постричь. Заика—ему около 80 лѣтъ—былъ когда-то, лѣтъ шестьдесятъ назадъ, лакеемъ графа А. К. Гудовича и разсказалъ мнѣ, что графъ съ графиней нѣсколько разъ дѣлали визиты Гоголю въ Яновщину, обѣдали у него, а Гоголь ни разу у графа Гудовича не былъ.

— Пріѣдемъ съ господами въ Яновщину, а яновскій баринъ, Николай Васильевичъ, всегда, бывало, въ саду съ лопаткой, безъ шапки, а то въ другой разъ въ саду съ книжкой сидитъ... Разъ пять были мы у него съ господами...

Буранъ, начавшійся наканунѣ, продолжался еще нѣсколько дней и навилъ горы снѣга по улицамъ Сорочинецъ, такъ что мы съ г. Новицкимъ, на его парѣ, не легко добрались до о. Романа. Онъ жилъ близъ церкви въ небольшомъ, характерномъ малороссійскомъ домикѣ. При входѣ насъ встрѣтила его дочь, пожилая уже женщина, и, узнавъ о цѣли нашего посѣщенія, заявила,

что послѣдніе дни о. Романъ очень плохъ, третьяго дня его соборовали и только сегодня ему немного лучше, и просила обождать въ залѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ показался и о. Романъ, еле передвигавшій ноги, поддерживаемый дочерью. Я извинился, что побезпокоилъ, но старецъ, повидимому, былъ очень радъ, что нашлись люди, пожелавшіе повидать его, затворника. Съ моей помощью онъ дошелъ до кресла и сѣлъ.

Я никогда не видалъ такого ветхаго человѣка. Особенно поразило меня его первое появленіе. Согбенный, съ пожелтѣлыми сѣдинами, съ большой бородой, одѣтый въ старый темный подрясникъ, утратившій свой первоначальный цвѣтъ, онъ тихо подвигался впередъ, съ большими усиліями двигая ногами. Его лицо, темное, все въ морщинахъ, похожее на почернѣвшій пергаменъ, его глаза, выцвѣтшіе, безжизненные, будто подернутые пленкой, — все это произвело на меня впечатлѣніе, которое не забуду никогда,—впечатлѣніе, что я вижу не живого человѣка.

Онъ говорилъ глухимъ, какъ будто изъ нѣдръ земли выходящимъ, старческимъ замогильнымъ голосомъ, но говорилъ связно, толково, иногда послѣ моего вопроса останавливаясь на минуту, будто что-то припоминая. Вопросы приходилось задавать громко: старецъ уже плохо слышалъ.

— Здѣсь родился Гоголь?—громко спросилъ я,

— Здѣсь, у Трахимовскаго. И послѣ, когда выросъ, ко мнѣ въ церковь ѣздилъ... У доктора у Трахимовскаго много больныхъ бывало, онъ грязью лѣчилъ... Богатый былъ, богатый...

Впослѣдствіи я узналъ, что Трахимовскій лѣчилъ ревматизмъ иломъ изъ рѣки Псла. Илъ этотъ мѣстами залегаетъ подъ пескомъ довольно толстымъ слоемъ; онъ чрезвычайно мягкій, содержитъ въ себѣ іодъ, и имъ до сихъ поръ многіе лѣчатъ ревматизмъ и, какъ говорятъ, успѣшно.

Далѣе я задалъ вопросъ, гдѣ и кто крестилъ Гоголя.

— Здѣсь, въ церкви, отецъ Іоаннъ, царство небесное. Помню я, помню отца...

Рѣчь его перервалась, глаза стали еще туманнѣе; нельзя было старика безпокоить. Мы оставили его въ креслѣ, въ полузабытьи, а провожавшая насъ его дочь говорила:

— Помнитъ, все помнитъ, да говорить ему трудно, старъ и плохъ!

Проплутавъ нѣсколько лишнихъ часовъ въ буранѣ по степи, ночью мы съ г. Домбровскимъ добрались до Миргорода и провели

нѣсколько часовъ въ клубѣ. Здѣсь мало кто помнитъ о Гоголѣ, только докторъ А. И. Ксензенко, какъ оказалось, одинъ зналъ вѣрныя свѣдѣнія о рожденіи Гоголя.

На другой день, рано утромъ, я гулялъ по Миргороду и глубоко сожалѣлъ, что теперь зима и все занесено снѣгомъ, и не видно даже знаменитой лужи, про которую у Гоголя сказано: „Удивительная лужа! единственная, какую только вамъ удавалось когда видѣть! Она занимаетъ почти всю площадь. Прекрасная лужа! Домы и домики, которые издали можно принять за копны сѣна, обступивши вокругъ, дивятся красотѣ ея!"

Мнѣ сказали миргородцы, что теперь этой лужи не существуетъ и что на мѣстѣ ея разбитъ городской скверъ, а что лужъ есть нѣсколько и есть такія же большія, къ великой радости гусей и свиней, можетъ-быть, идущихъ по прямой линіи отъ той супоросой бурой свиньи, которая стащила и съѣла очень важную казенную бумагу изъ суда.

Зимой мало что видно,—только „плетень убранъ предметами, которые дѣлаютъ его еще болѣе живописнымъ: или напяленною плахтою, или сорочкою, или шароварами".

Видѣлъ я еще то, чего не было въ доброе старое время: видѣлъ я казенную винную лавку, около которой стояла толпа миргородцевъ и пила изъ горлышка водку, закусывая снѣгомъ, а то и ничѣмъ, и запахъ отъ этой толпы напомнилъ мнѣ тотъ моментъ въ повѣтовомъ судѣ, когда Иванъ Никифоровичъ со своей просьбой застрялъ въ двери, и „тогда отодвинули задвижки и отворили вторую половинку дверей, при чемъ канцелярскій чиновникъ и его помощникъ-инвалидъ, отъ дружныхъ усилій, дыханьемъ устъ своихъ распространили такой сильный запахъ, что комната присутствія превратилась было на время въ питейный домъ". Такой же запахъ былъ отъ толпы близъ винной лавки, находившейся въ переулкѣ, напоминавшемъ тотъ „переулокъ, который былъ такъ узокъ, что если случалось встрѣтиться въ немъ двумъ повозкамъ въ одну лошадь, то онѣ не могли уже разъѣхаться и оставались въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, покамѣстъ, схвативши за заднія колеса, не вытаскивали ихъ каждую въ противную сторону, на улицу".

Таковъ Миргородъ зимой, въ настоящее время,—Миргородъ, прославленный Гоголемъ, и весь этотъ край, гдѣ каждое мѣсто напоминаетъ Гоголя,—край, который смѣло можно назвать „Гоголевщиной".

II.

После почтенныхъ трудовъ П. А. Кулиша и В. И. Шенрока, въ которыхъ собрано все главное, относящееся въ памяти великаго Гоголя, за последніе годы многія лица посещали родину Гоголя, пробовали собирать сведенія, и при этомъ все обращались къ лицамъ однимъ и темъ же, и такимъ образомъ происходило, въ будто бы новыхъ статьяхъ, повтореніе одного и того же, развѣ только съ прибавками, которыя невольно являются у людей, много лѣтъ разсказывающихъ одно и то же событіе: или разсказъ заучивается, или, въ желаніи сказать лучше, варіируется. Являются подробности не существующія, прибавленныя случайно, а потомъ вошедшія въ привычку. И все это печаталось и продолжаетъ печататься, затемняя истину. Между тѣмъ, каждое правдивое слово о великомъ писателѣ, характеризующее и его и ту обстановку, которая послужила для его творчества, всякое подобное свѣдѣніе есть уже цѣнность, которая должна принадлежать всѣмъ. Пройдетъ еще какихъ-нибудь пять лѣтъ, и не останется въ живыхъ ни одного современника Гоголя, и пропадутъ всѣ живыя слова очевидцевъ, знавшихъ и его и жизнь въ Гоголевщинѣ въ былое время.

И вотъ все это заставило меня сдѣлать еще рядъ поѣздокъ въ Гоголевщину.

Два года назадъ, въ церкви села Большіе Сорочинцы, я досталъ въ архивѣ метрическую книгу съ помѣткой дня рожденія Гоголя и установилъ спорный до того времени день рожденія. Все это я описалъ въ *Русской Мысли* (февраль 1900 г.).

Настоящею осенью я сдѣлалъ двѣ большихъ поѣздки, проведя болѣе мѣсяца между Миргородомъ и Полтавой, и постарался повидать, мнѣ кажется, всѣхъ живыхъ современниковъ Гоголя, а также собралъ тѣ свѣдѣнія, которыя доселѣ остались по разнымъ причинамъ неизвѣстными.

Притомъ я старался главнымъ образомъ обращаться къ тѣмъ современникамъ поэта, которыхъ никогда и никто не разспрашивалъ и которые безъ всякаго желанія рисовки правдиво повѣдывали мнѣ то, что сохранилось въ ихъ памяти, нерѣдко даже высказывая удивленіе, зачѣмъ у нихъ спрашиваютъ такія неинтересныя, по ихъ мнѣнію, вещи?

Повѣдаю, о чемъ могу, въ томъ порядкѣ, какъ это видѣлъ я во время пути, который былъ хорошо извѣстенъ Гоголю. Собравъ матеріалъ по воспоминаніямъ о Гоголѣ, мнѣ пришлось волей-неволей остановиться и на настоящемъ этихъ мѣстъ, сохранившихъ тѣ черты, которыя извѣстны читателямъ Гоголя.

Всѣ эти мѣста поэтому и назвалъ я однимъ словомъ: Гоголевщина.

Не будь Гоголя,—развѣ говорили бы о нихъ? Развѣ говорили бы объ Украйнѣ?

Конечно, говорили бы... А полтавскій бой? Развѣ онъ не прославилъ страну...

Да, были герои-побѣдители... Объ этомъ свидѣтельствуютъ могилы, дѣла рукъ героевъ...

А послѣ нихъ прошли два мирныхъ человѣка съ записными книжками въ рукахъ, одинъ обезсмертилъ Полтаву въ чудныхъ стихахъ, а другой заставилъ весь міръ полюбить милую, симпатичную Украйну...

Ни Полтавы ни Украйны безъ нихъ не знали бы...

Отъ героевъ меча остались могилы, отъ людей—слова, правда и любовь.

Выѣхалъ я изъ Полтавы по исторической Диканьской дорогѣ и, проѣхавъ съ версту, оглянулся назадъ.

И ты, украинская красавица, утонувшая въ садахъ и тополевыхъ аллеяхъ, измѣнилась ровно настолько же, насколько измѣнились русскіе города въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ истекшаго столѣтія!

Ровно настолько же.

До того времени, подъѣзжая къ каждому городу, первымъ дѣломъ увидишь острогъ, а теперь обязательно ранѣе острога взглядъ налетаетъ на монополію, или, какъ мѣтко назвалъ ее народъ, винополію.

И здѣсь то же: вонъ она, громоздкая, неуклюжая, плотно присосалась къ землѣ.

Я больше не оглядывался назадъ.

Вонъ, направо, шведская могила. Налѣво колонія для сумасшедшихъ, занимающая 14 десятинъ, когда-то улитыхъ кровью...

А впереди раскинулись широко-широко поля, ярко-зеленыя озими, съ желтыми оазисами, хуторскими садочками, золотомъ отливающими при яркомъ блескѣ сентябрьскаго солнца.

Рѣзкой полосой прорѣзаетъ изумрудную зелень черная дорога, по которой когда-то ѣздилъ Гоголь...

А ранѣе, еще ранѣе, на этихъ поляхъ, спокойныхъ изумрудныхъ поляхъ

Тяжелой тучей
Отряды конницы летучей
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся сплеча,
Бросая груды тѣлъ на груды:
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ...
. . . .
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ.

Ужасное было время, и напоминаютъ о немъ эти зеленые курганы по сторонамъ дороги.

И воздвигла эти курганы прихоть и жажда славы одного человѣка...

Мнѣ сейчасъ представляется: вонъ тамъ, въ балочкѣ, двое блѣдныхъ испуганныхъ всадниковъ боязливо скачутъ по очеретамъ...

Нѣтъ ужъ давно-давно ихъ сначала молніеносныхъ, потомъ испуганныхъ взглядовъ, полныхъ отчаянія, нѣтъ ужъ ихъ грознаго воинства,—ничего не осталось на этихъ поляхъ, кромѣ поросшихъ травою могилъ, а поля все неизмѣнны, свѣжи, зелены...

Да осталось еще народное названіе мѣстности по дорогѣ, характеризующее то время; а названіе это—Побиванка.

А за Побиванкой — Петрова долина, а дальше—Перерубъ, а тамъ—и Диканька.

Вотъ при въѣздѣ—аллея изъ дубовъ, такихъ пятиобхватныхъ да угрюмыхъ, какихъ на свѣтѣ, пожалуй, не увидишь.

Это тѣ самые дубы, о которыхъ Пушкинъ сказалъ:

Цвѣтетъ въ Диканькѣ древній рядъ
Дубовъ, друзьями насажденныхъ.
Они о праотцахъ казненныхъ
Донынѣ внукамъ говорятъ.

А за дубами—Диканька съ ея великолѣпнымъ дворцомъ, окруженнымъ вѣковымъ паркомъ, сливающимся съ дубовыми лѣсами, въ которыхъ водятся даже стада дикихъ козъ.

Я цѣлый день провелъ въ этомъ лѣсу,—октябрьскій, солнечный день.

Тишина поразительная. Ни листъ ни вѣточка не шелохнутся.

Если только смотрѣть на солнце—переливается въ воздухѣ прозрачная блестящая паутина между тонкой порослью, да если прислушаться—зашелеститъ на мигъ упавшій съ дерева дубовый листъ. Земля устлана плотно прибитыми наканунѣ дождемъ желтыми листьями, надъ которыми стоятъ еще зеленые, не успѣвшіе пожелтѣть и опасть листья молодой поросли. Ни звука ни движенія. Только лапчатый кленовый листъ, прозрачно-желтый на солнцѣ, стоитъ бокомъ къ стеблю и упорно правильнымъ движеніемъ качается въ стороны, какъ маятникъ: то вправо, то влѣво. Долго онъ качался, и успокоился только тогда, когда оторвался, зигзагами полетѣлъ внизъ и слился съ желтымъ ковромъ... Да еще тишина нарушилась двумя красавицами—дикими козами, которыя быстро пронеслись мимо меня и скрылись въ лѣсной балкѣ... И конца края нѣтъ этому лѣсу. А посреди него—поляны, гдѣ пасутся табуны... Вотъ Волчій Яръ, откуда открывается внизу далеко-далеко необъятный горизонтъ, прорѣзанный голубой лентой Ворсклы, то съ гладкимъ степнымъ, то съ лѣсистымъ обрывистымъ берегомъ...

Великолѣпны окрестности Диканьки и великолѣпенъ дворецъ, въ которомъ между драгоцѣнностями хранится въ дорогомъ шкафу рубаха Василія Кочубея. Простая бѣлая рубаха съ пятномъ крови. Послѣ казни въ Бѣлой Церкви рубаха Кочубея досталась его родственникамъ и до послѣдняго времени хранилась въ церкви въ с. Жукахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Жукахъ ожидали архіерея, объѣзжавшаго епархію, и попадья, рѣшившая, что не подобаетъ владыкѣ видѣть окровавленную рубаху, вымыла ее, но все-таки кровь отмыть не могла. Тогда владѣлецъ Диканьки, князь В. С. Кочубей, взялъ эту реликвію къ себѣ и устроилъ ей подобающее помѣщеніе въ своемъ дворцѣ.

Сзади дворца—садъ, а еще дальше, за прудомъ, и село Диканька, гдѣ кузнецъ Вакула такъ расписалъ свою хату, что проѣзжавшій блаженной памяти архіерей даже спросилъ:

— А чья это такая размалеванная хата?

Та самая Диканька, гдѣ жилъ дьякъ Ѳома Григорьевичъ, „кажется, и незнатный человѣкъ, а посмотрѣть на него—въ лицѣ какая-то важность сіяетъ; даже когда станетъ нюхать обыкновенный табакъ, и тогда чувствуешь невольное почтеніе: въ церкви, когда запоетъ на клиросѣ,—умиленіе неизобразимое“.

Прошелъ я изъ дворца и парка въ Диканьку, для скорости пути едва пролѣзши въ какую-то дверь въ заборѣ, перешелъ мостикъ и сталъ подниматься въ гору, къ Троицкой церкви, которую

расписывалъ Вакула и въ которой Ѳома Григорьевичъ дьякомъ былъ.

Остановился противъ церковной ограды у хаты, а на воротахъ написано: „Петръ Андреевичъ Зеленскій".

— Чья хата?—спросилъ я подошедшаго человѣка, не молодого и не стараго, одѣтаго чисто, по-рабочему.

— Хата была Петра Андреевича, дьяка; а какъ онъ умеръ, такъ перешла къ новому дьяку, его преемнику. То былъ дьякъ.

— Въ родѣ Ѳомы Григорьевича?

— Въ родѣ Ѳомы Григорьевича, да еще почище. Почтенный былъ, все молчалъ, да слушалъ, да табакъ съ такой важностью нюхалъ, что шапку,—увидишь,—скинешь. А какъ на клиросѣ пѣлъ. По-старинному и даже довольно умилительно. А выпить могъ—уму невообразимо. Бывало, праздникомъ пьетъ, пьетъ,—и не узнаешь. А какъ запоетъ „Волною морскою", да вскочитъ, тряхнетъ плечами, да гикнетъ, и пойдетъ, и пойдетъ!.. Вотъ это былъ дьякъ. Больше пятидесяти лѣтъ здѣсь прослужилъ.

Шли мы по Диканьскимъ улицамъ, и все мнѣ мой спутникъ разсказывалъ, и видно, что читалъ всего Гоголя.

— А вотъ и Вакуленко,—указалъ онъ мнѣ кузницу. Я поинтересовался.

— А что всѣ у васъ такъ же, какъ вы, Гоголя знаютъ?

— Да; Диканька должна знать и знаетъ Гоголя, у насъ неграмотныхъ, кажется, совсѣмъ нѣтъ. Двѣ школы, параллельные классы. Князь Кочубей много, очень много помогаетъ школамъ. Здѣсь учащіеся въ школахъ на счетъ князя получаютъ горячую пищу... Въ Диканькѣ есть общество вспомоществованія учащимся, члены общества главнымъ образомъ крестьяне и казаки, взносъ ежемѣсячный—отъ 10 коп., а на эти деньги способные мальчики и въ высшія учебныя заведенія даже идутъ... Диканька—это Гоголевщина... Какъ же намъ не знать его.

Въ тотъ же день я выѣхалъ изъ Диканьки въ Яновщину. Миновавъ деревню Балясное,—тамъ школа созданная Кочубеемъ, миновалъ экономію Дьячково,—тамъ школа на средства Кочубея.

Дорога отъ Диканьки до Яновщины идетъ почти все время землями Кочубея. Вотъ балка Пустовидка. Здѣсь когда-то сидѣлъ разбойникъ Пустовидъ. Вотъ Зозулина балка. Вотъ Дьячково—богатѣйшая экономія Кочубея съ паровой мельницей, электрическимъ

освѣщеніемъ, виноградниками, необозримыми запашками. Вотъ хуторъ Задорожный. Владѣлецъ его, казакъ Григорій Ефимовичъ Задорожный,—старѣйшій въ округѣ. Еще во времена Гоголя онъ былъ церковнымъ старостой въ Яновщинѣ, и послѣ каждой церковной службы Марія Ивановна Гоголь приглашала его въ домъ.

— Добрая была. Бывало, у меня въ церкви размѣняетъ десять рублей и всѣ раздастъ бѣднымъ. А панычъ (Гоголь) еще добрѣе былъ. Помню, разъ при мнѣ онъ говорилъ Марьѣ Ивановнѣ: „Смотрите, чтобы не обижали людей“. Прійдетъ, бывало, поговоритъ съ рабочими ласково-ласково. Добрый панычъ былъ.

Отъ Задорожнаго я заѣхалъ въ Невѣнчанную балку; балка эта на десятокъ верстъ, по странной случайности, искони была вся населена холостяками-помѣщиками, записывавшими своихъ многочисленныхъ дѣтей къ себѣ же въ крѣпостные. Пріѣхалъ на хуторъ Тыщенку, которымъ владѣютъ братья Мироненки совершенно случайно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ унаслѣдовавшіе это имѣніе отъ своего дяди.

Мироненки—уже пожилые люди, родные братья. Жили они прежде бѣдно, а потомъ умеръ ихъ богачъ дядя, Шафрановъ, и оставилъ имъ около полумилліона въ имѣніи и деньгахъ. Стали они дѣлить такое богатство. Крупное подѣлили, а на мелкомъ поссорились. Не подѣлили старую молотилку. И стоитъ она, гніетъ на дворѣ, у обоихъ на глазахъ, чтобы никто пользоваться ею не могъ. Старшій братъ Иванъ Ивановичъ соглашался продать молотилку и деньги подѣлить и даже пожертвовать на школу, а младшій Петръ Ивановичъ уперся и говоритъ:

— Нехай она сгніе! Або моя, або хай сгніе!

И поссорились изъ-за молотилки и другъ друга видѣть не желаютъ и знать не хотятъ. Живутъ,—будто и знакомы не были.

Великій Гоголь провидѣлъ этихъ двухъ братьевъ, которыхъ такъ живо изобразилъ въ Иванѣ Ивановичѣ и Иванѣ Никифоровичѣ.

Я заѣхалъ въ домъ къ Ивану Ивановичу, который живетъ вдвоемъ съ своимъ сыномъ Спиридономъ Ивановичемъ: оба хорошіе хозяева́ и аккуратные люди. Иванъ Ивановичъ очень интересуется стариной, много помнитъ и прекрасно разсказываетъ. Даже стихи на малороссійскомъ языкѣ пописываетъ. Я предполагалъ найти у него что-нибудь о Гоголѣ, но нашелъ только кипу старинныхъ, еще блаженной памяти повѣтоваго миргородскаго суда дѣлъ, да нѣсколько купчихъ крѣпостей на продажу людей... Живыхъ лю-

дей... Ужасные документы, по которымъ живые люди переходили отъ одного владѣльца къ другому, дѣти отнимались отъ родителей. Привожу копію одной такой купчей, тѣмъ болѣе что въ ней находится имя, заставившее г. Мироненка разговориться. Вотъ копія:

„Лѣта 1851, Генваря 22, помѣщикъ Миргородскаго уѣзда, дворянинъ, Коллежскій Секретарь Григорій Романовичъ Тищенко, продалъ дворянину Коллежскому Регистратору Василію Прокофьеву сыну Шафранову, собственныхъ моихъ дворовыхъ людей пріобрѣтенныхъ мною назадъ за 30 лѣтъ отъ Губернскаго Секретаря Коновалова и Гришко-Горишевскаго по актамъ въ Миргородскомъ уѣздномъ судѣ возстановленнымъ и по наслѣдству на хуторѣ моемъ Грузько-Головинскомъ—дворовыхъ людей: Умершаго Іосафа Гайдая сына Никиту и дочерей Марью, Агрипину и Надежду. Власія Горбана, жену его Анну и дочерей Евфросинью и Маріанну. Гордѣя Горбаненко, жену его Екатерину, дѣтей ихъ: сыновей Трофима и Ануфрія, да дочь Татьяну. Женщину Марью Прибитову съ незаконнорожденными дѣтьми мужеска пола пятнадцати душъ“. Далѣе подписи.

— Интересное имя въ этой купчей упоминается,—сказалъ мнѣ хозяинъ,—это—Гришко-Горишевскій. Онъ изъ с. Устивицъ, изъ-подъ Сорочинецъ, и я самъ оттуда. Такъ этотъ самый Гришко-Горишевскій,—его ужъ я не помню, дѣдъ мнѣ про него разсказывалъ,—былъ сотникомъ и принималъ къ себѣ всѣхъ разбойниковъ и майданщиковъ.

— А что такое майданщики?

— А которыхъ закуція на майданъ посылала.

— Не понимаю.

— Закуція? Да это экзекуція, власти. Закуція состояла изъ головы, сотскаго, десятскаго, писаря и добросовѣстнаго.

Идутъ они всей партіей выколачивать подушную. Если не платитъ кто подушнаго въ первый разъ—арестуютъ.

Если не заплатитъ во второй разъ, а уже въ тюрьмѣ сидѣлъ, достанутъ сажи, натолкутъ ее, помѣшаютъ съ водой—да и давай ляпать по стѣнамъ и по одеждѣ, по чемъ попало. И водятъ за собой тѣхъ, кого измажутъ. Въ третій разъ берутъ недоимщика, и ведутъ на большую дорогу, на перекрестокъ. А на перекресткѣ лежатъ свалены длинные дубы, и надолблены въ тѣхъ дубахъ дыры. И вотъ въ дыру на дубѣ вставляютъ ногу неплательщика и прибиваютъ ее брусомъ: вынуть нельзя. Много народу наса-

дять и держать 3—4 сутокъ, даже зимой. Это называлось на дубу.

Въ 4-й разъ неплательщика забираютъ и ведутъ къ дубу. А у дуба—ямы глубокія, надъ ямами перекинуты жердочки, а черезъ жердочки перекинуты прутяные плетни. И вотъ въ эту яму насадятъ биткомъ недоимщиковъ, а затѣмъ навезутъ воды, и ходитъ „закуція“ по плетнямъ и поливаетъ холодной водой тѣхъ, которые сидятъ въ ямахъ. И продолжалось это отъ 3 до 5 дней.

А ужъ если это не помогало, пороли жестоко и отправляли, пока не заработаютъ подушнаго, на селитренные заводы на майданщину.

Такъ поступали и съ казаками.

Майданы были повсюду вокругъ. Работа каторжная и каторжные порядки. Майданщикъ—ругательное слово, уцѣлѣвшее и до сихъ поръ. Единственный исходъ для майданщиковъ былъ побѣгъ въ Таврію или въ Донскія и Днѣпровскія гирла, или къ Гришкѣ-Горишевскому.

Въ то время въ Устивицахъ, близъ села Сорочинецъ, Миргородскаго уѣзда, у него было большое имѣніе. И стоялъ на сорочинской дорогѣ столбъ, а въ столбу проверчено шесть дырокъ. Это были условные знаки, которые понимали только тѣ же майданщики.

Означали эти шесть дырокъ, что бѣглые, явившіеся въ Устивицы, получаютъ 6 лѣтъ панщины, если запишутся къ Гришкѣ въ „пидсусідки“, а черезъ шесть лѣтъ переходятъ съ потомствомъ въ крѣпостные; а бѣжать отъ Гришки было нельзя: у него были злющія-презлющія собаки, которыя разрывали каждаго прохожаго. А ударить ни одной собаки нельзя: кто ударилъ—самъ пропалъ.

Передававшій это, со словъ своего дѣда, родился въ тѣхъ же Устивицахъ.

О себѣ И. И. разсказывалъ такъ:

— Боялись мы школы. Учились мы въ конюшнѣ у попа. Учился со мной рядомъ же и теперешній кременчугскій врачъ Б—ій. Сидимъ мы въ конюшнѣ на бревнахъ да и выглядываемъ изъ оконца—кто идетъ, а сами читаемъ: „Единъ Богъ во Святой Троицѣ“. Вдругъ попъ выхватитъ у кого-нибудь изъ рукъ книжку да велитъ продолжать наизусть. А чуть ошибся — линейкой по щекѣ. Во съ какими мордами ходили. А то разъ спрашиваетъ меня:

— Скилки було Ноевъ?

— Одинъ,—говорю я,—праведный Ной.

— А якъ же Америка взялась?

Да по мордѣ линейкой.

Поблагодаривъ И. И. Мироненка, я выѣхалъ въ Яновщину, чтобы повидать гоголевскія мѣста, сестру Гоголя, О. В. Головню, и старшаго въ родѣ Гоголей—Н. В. Быкова.

Не могу не сознаться, что въ Яновщину ѣхалъ я съ сердечнымъ трепетомъ. Даже рѣшилъ, что и заходить къ владѣльцамъ не буду, постараюсь ихъ не безпокоить, такъ какъ я слышалъ уже о томъ, какъ надоѣли имъ всевозможные интервьюеры и корреспонденты съ фотографическими аппаратами и записными книжками, обладатели которыхъ заносятъ каждое слово о Гоголѣ, сказанное тѣмъ даже, кто, живя на Украйнѣ, и понятія не имѣетъ о Гоголѣ. Эти пилигримы страшно надоѣдаютъ владѣльцамъ Яновщины, и я положительно не хотѣлъ уподобляться имъ, да вообще думалъ тамъ найти мало интереснаго: надоѣло людямъ отвѣчать, будутъ повторяться, говорить нехотя...

Вышло наоборотъ.

На подъѣздѣ расположеннаго въ саду дома Н. В. Быкова я встрѣтилъ хозяйку дома и попросилъ разрѣшенія только пройтись по гоголевскому саду, на что получилъ разрѣшеніе, и, откланявшись, назвалъ свою фамилію.

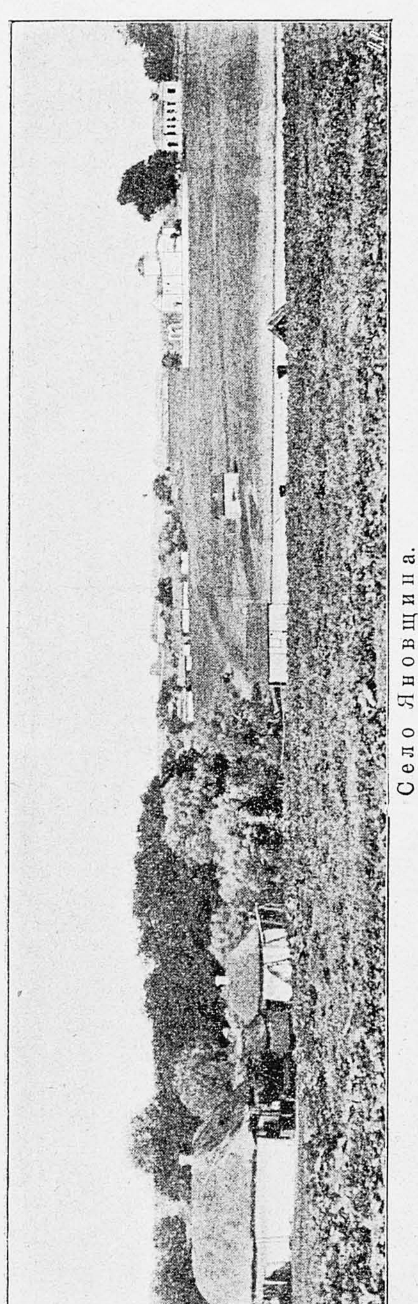
Тогда меня попросили въ домъ. Н. В. Быковъ знаетъ меня по моимъ работамъ, а супруга его Марія Александровна, внучка А. А. Пушкина, слыхала обо мнѣ отъ своихъ родственниковъ, съ которыми я давно знакомъ.

Все это было пріятное разочарованіе: думалъ посмотрѣть садъ, предполагалъ встрѣтить сухой пріемъ, не добыть ничего интереснаго, а оказалось, что весь-то интересъ и былъ здѣсь.

Нашлась сотня общихъ знакомыхъ, общіе интересы, пошелъ разговоръ такой, будто встрѣтились старые друзья послѣ долгой разлуки.

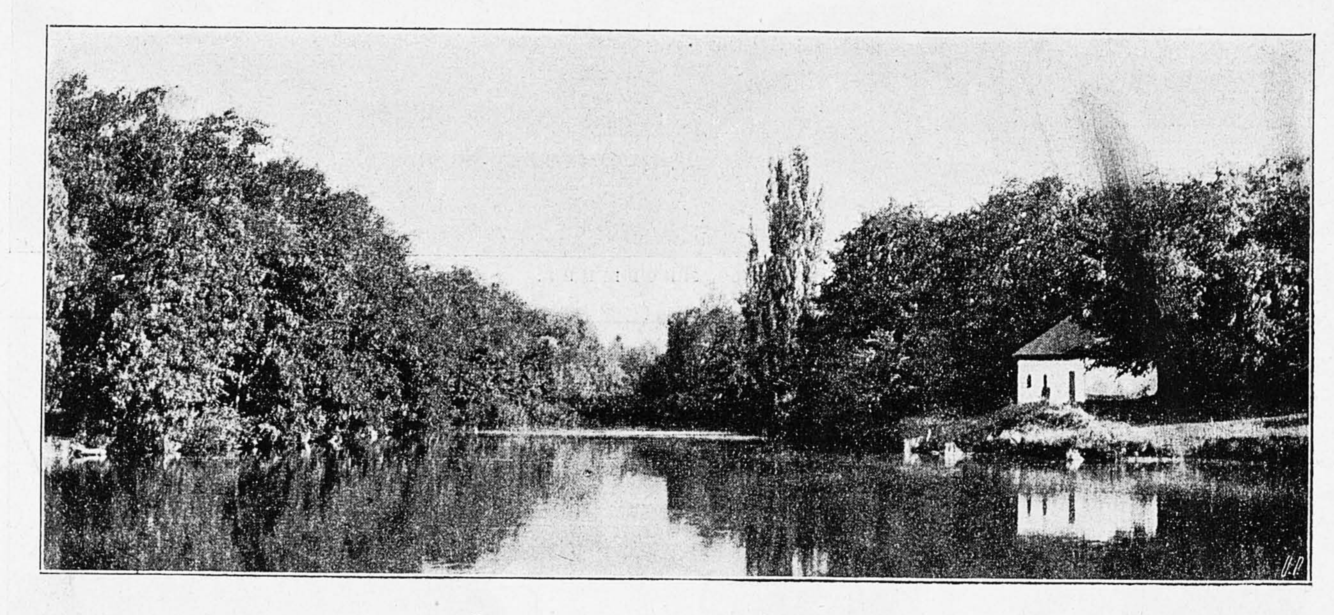
Оказывается, что Н. В. Быковъ самъ интересуется до мелочи всѣмъ, что касается его геніальнаго дяди, а самъ владѣетъ многимъ интереснымъ кромѣ того, что имъ уже ранѣе было пожертвовано въ Румянцевскій музей.

И вотъ передо мной цѣлый музей реликвій, разсмотрѣнію которыхъ я посвятилъ день и почти всю ночь. На другой день я посѣтилъ сестру поэта, Ольгу Васильевну Головню, и засталъ ее въ то время, когда она только что вернулась съ пасѣки изъ

Село Яновщина.

Церковь въ с. Яновщинѣ. Колокольня сдѣлана по рисунку Н. В. Гоголя.

Видъ на прудъ въ селѣ Яновщинѣ.

Лѣсной хуторъ близъ Яновщинъ „Стѣнка", принадлежавшій Гоголю.

Здѣсь было задумано „Заколдованное мѣсто".

Яворивщины, верстахъ въ трехъ, въ степи, гдѣ когда-то любилъ бывать и Гоголь.

Любимымъ мѣстомъ для прогулокъ Гоголя была Яворивщина, гдѣ когда-то былъ старый дубовый лѣсъ, а также и Стѣнка (или Стенька),—урочище въ пяти верстахъ отъ Яновщины, принадлежащее Н. В. Быкову. Гоголь часто ѣздилъ въ Стѣнку; это—лѣсъ, спускавшійся по обрывистому берегу Голтвы. Мѣсто весьма красивое, поэтическое. Здѣсь онъ задумалъ свое „Заколдованное мѣсто".

Ольга Васильевна—еще бодрая старушка, интересующаяся хозяйствомъ и деревенскою жизнью. Она плохо слышитъ, но еще любитъ поговорить о прошломъ, хотя ей это довольно трудно, почему я не позволилъ себѣ безпокоить ее разспросами, ограничившись тѣмъ, что осмотрѣлъ гоголевскія вещи, которымъ и предлагаю подробный списокъ:

Реликвіи Гоголя въ Яновщинѣ.

У О. В. Головни. 1) Дубовая дверь изъ стараго дома, соединявшая столовую съ буфетной, въ венеціанскомъ стилѣ съ разноцвѣтными стеклами, сдѣланная по рисунку Гоголя домашнимъ столяромъ.

2) Пальмовая трость съ кипарисовой ручкою, вывезенная Гоголемъ изъ Палестины.

3) Крестъ тѣльный Н. В. Гоголя.

4) Священное масло изъ Іерусалима, коробочка и нѣсколько другихъ мелкихъ вещей.

5) Золотое кольцо съ вдѣланными въ него волосами Гоголя.

6) Нѣсколько раскрашенныхъ Гоголемъ библейскихъ картинокъ.

7) Гербаріумъ, собранный Гоголемъ въ Стѣнкѣ и Яворивщинѣ.

8) Небольшое количество документовъ рода Гоголей и семейныхъ бумагъ, уже просмотрѣнныхъ и использованныхъ Кулишемъ, ничего новаго и интереснаго не представляющихъ, такъ какъ большинство семейныхъ документовъ сгорѣло при бывшемъ въ Яновщинѣ пожарѣ еще при отцѣ Гоголя, и М. И. Гоголь была очень затруднена при внесеніи рода въ родословныя книги дворянства, что видно изъ дѣлъ полтавскаго депутатскаго собранія и прошенія самой Маріи Ивановны.

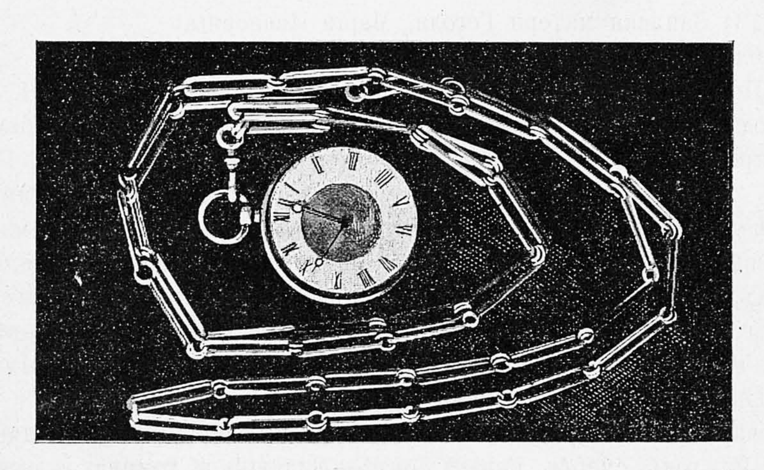
9) Нѣсколько книгъ Гоголя, преимущественно духовнаго содержанія.

У Н. В. Быкова. 1) Портретъ Гоголя, писанный въ Римѣ Моллеромъ въ 1841 году.

2) Гравюра Іордана съ Рафаелевскаго „Преображенія", 1-й экземпляръ, подаренный Іорданомъ Гоголю.

3) Часы и цѣпочка Гоголя, которые онъ постоянно носилъ, послѣ смерти его присланные его матери изъ Москвы.

Часы принадлежали Пушкину и были взяты Жуковскимъ послѣ смерти его и потомъ подарены Гоголю.

Часы Гоголя.

4) Конторка Гоголя, на которой онъ писалъ въ свои, впрочемъ, рѣдкіе пріѣзды въ деревню, сдѣланная по его указанію домашнимъ столяромъ.

5) Небольшой дубовый книжный шкапъ Гоголя, сдѣланный по его рисунку домашнимъ столяромъ, съ большою частью книгъ, принадлежавшихъ Гоголю: итальянскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, французскихъ и русскихъ. Библіотека Гоголя была не велика, такъ какъ, бывая рѣдко въ деревнѣ, она пополнялась привезенными съ собою случайными книгами.

6) Небольшой кожаный чемоданъ Гоголя.

7) Темно-красный бархатный жилетъ Гоголя, его фуляръ, портфель, перламутровый крестъ, вывезенный изъ Іерусалима, футляръ для часовъ и др. мелкія вещи.

8) Медальонъ съ волосами В. А. и Н. В. Гоголей.

9) Именная и гербовая печати Гоголя.

10) 3 рисунка Гоголя къ Ревизору: 2 варіанта заключительной сцены и сцена Мар. Андр. съ Мар. Антонов. (дѣйст. I, явл. 6).

11) Нѣсколько раскрашенныхъ Гоголемъ библейскихъ рисунковъ, много набросковъ перомъ и карандашомъ.

12) Письма Гоголя къ матери и сестрамъ А. В. Гоголь и Е. В. Быковой, нѣсколько его черновыхъ набросковъ и переписокъ, нѣкоторые его документы, подорожныя, паспорта. Засушенные и вывезенные изъ Іерусалима цвѣты, письма къ нему и о немъ Аксакова, Кулиша и другихъ.

13) Записки матери Гоголя, Маріи Ивановны.

Стѣна въ кабинетѣ Н. В Быкова:

Посрединѣ—большой масляной краской, лучшій портретъ Н. В. Гоголя, писанный Моллеромъ, окруженный литографированными портретами Гоголя: Иванова, Мамонтова, Веницiанова и др. Гоголь въ гробу, Гоголь среди русскихъ художниковъ въ Римѣ, нѣсколько портретовъ матери Гоголя, сестры Гоголя, его племян. Трушковскій (первый издатель его сочиненій), портреты: Трощинскихъ, Сергѣя Тимоѳеевича и Ивана Сергѣевича Аксаковыхъ. Виды домовъ: въ которомъ Гоголь провелъ дѣтство, и позднѣйшій, въ которомъ онъ останавливался, пріѣзжая уже взрослымъ. Гоголь на крыльцѣ послѣдняго дома, слушающій бандуриста, и у самовара—его сестра, Е. В. Быкова. Рѣдкая теперь гравюра, изданная въ годъ смерти Гоголя: онъ — сидящій у камина и сжигающій 2-ю часть „Мертвыхъ душъ“ (съ двумя аллегорическими фигурами—входящей смерти и плачущаго генія). Тутъ же у стѣны дубовый библіотечный шкапъ Гоголя, его конторка.

Передо мной—папка драгоцѣнностей: собственноручная рукопись и рисунки Гоголя.

Съ душевнымъ трепетомъ беру первый листъ бѣлой бумаги, въ которомъ лежитъ часть бумагъ. Вотъ 1-я: паспортъ Гоголя, переплетенный, въ видѣ книжки, въ кожу.

Паспортъ на нѣмецкомъ языкѣ, на большомъ листѣ, весь исштемпелеванный и исписанный вязями. Онъ вклеенъ въ эту книжку, довольно толстую и всю исписанную и исштемпелеванную.

2) Аттестатъ Гоголя.

3) Предписаніе попечителя Харьковскаго учебнаго округа г-жѣ Яновской уплатить за ученіе сына 166 рублей 67 коп. ассигнаціями.

4) Цвѣты изъ Палестины, завернутые въ паспортъ.

5) Свидѣтельство намѣстника патріарха въ Іерусалимѣ, о. Петраса Мелетія, отъ 23 февраля 1848 г. о полученіи благословенія (греческое).

6) Записки Маріи Ивановны Гоголь, написанныя по просьбѣ Кулиша.

7) Разныя письма: изъ Женевы, Рима и др.

8) Записка А. С. Пушкина:

„Прочелъ съ удовольствіемъ; кажется, все можетъ пропущено. Акуцію жаль выпустить: она, мнѣ кажется, необходима для полнаго эффекта вечерней мазурки. Авось, Богъ вынесетъ, съ Богомъ. А. П.“

9) Письмо изъ Женевы отъ 24 сент. (6 окт.) 1826 года. Наверху гравированный видъ Женевы *).

10) Листочки бумаги съ сдѣланными имъ орнаментами; на этихъ листочкахъ написаны тщательно и красиво молитвы и поминанье за здравіе и упокой. Поминаній два.

11) Тетрадка съ заглавіемъ: „распредѣленіе садовыхъ работъ на осень 1848 и весну 1849 года“. Тетрадка эта, написанная Гоголемъ, заканчивается его же рисункомъ той части Яновщины, которая теперь принадлежитъ Н. В. Быкову. Помѣчено, гдѣ какія насажены и есть деревья, намѣчена дорожка и теперь пересѣкающая садъ неправильными линіями; налѣво написано: Большой лугъ. Теперь это мѣсто, гдѣ стоитъ домъ и усадьба Н. В. Быкова.

12) Письмо изъ Палестины все исколотое, съ цѣлью дезинфекціи: тогда была чума въ Палестинѣ. Адресъ: „Е. в. б. Маріи Ивановнѣ Гоголь, въ Полтаву, оттуда въ д. Васильевку“. На концахъ письма сохранился золотистый сургучъ и красный почтовый штемпель. Письмо таково: „1848. Іерусалимъ. Февраля 17—29. Нѣсколько строкъ вамъ изъ Іерусалима: Благодаря Бога, я прибылъ сюда благополучно. Молился кое-какъ о себѣ, о васъ же поручилъ молиться тѣмъ, которые умѣютъ получше моего молиться. Пробуду здѣсь недолго, и если только благословитъ Богъ, то, можетъ-быть, въ іюнѣ или іюлѣ мѣсяцѣ загляну къ вамъ въ Малороссію. А вы попрежнему не переставайте молиться обо мнѣ. Напоминаю вамъ объ этомъ потому, что теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, чувствую безсиліе моей молитвы. Прощайте, почтенная матушка и любезныя сестры. Весь вашъ Н. Г.“.

---

*) Оно вошло въ собраніе писемъ. *Авт.*

Приведу, кстати, цѣликомъ и греческую индульгенцію со всѣми ороографическими точностями:

„1848, Февраля 23: во Градѣ Іерусалимъ, ради усердію которую показывалъ къ живоноснаго Гроба Господня и на прочихъ святыхъ мѣстахъ духовній сынъ нашъ Николай Васильевичъ въ томъ и благословляю ему маленькой части камушка отъ Гроба Господня и часть дерева отъ твери Храма Воскресенія, которая съ горела во время пожара 1808 сетебря 30-го дня эти частички обѣ справед-

Н. В. Быковъ, племянникъ Н. В. Гоголя.

ливость. Митрополитъ Петрасъ Мелетій и намѣстникъ Патріарха въ святомъ градѣ Іерусалимѣ“.

Слѣдующій—бѣлый листъ.

Въ немъ: Нѣсколько подорожныхъ „съ будущимъ“. Много писемъ къ Гоголю отъ Капниста, С. Аксакова, Плетнева и Смирновой изъ Царскаго Села. Изъ Петербурга ея письмо отъ 13 сент. 1851 г.; оно начинается такъ: „Парижскій префектъ полиціи Карлье прислалъ къ государю императору экземпляры брошюры, изданной Герценомъ. Въ немъ и о васъ, мой святой мужъ, отче Николае, рѣчь идетъ. Бредни этого сумасброда не заслуживаютъ вашего вниманія, устремленнаго въ горнее“. Далѣе предлагается

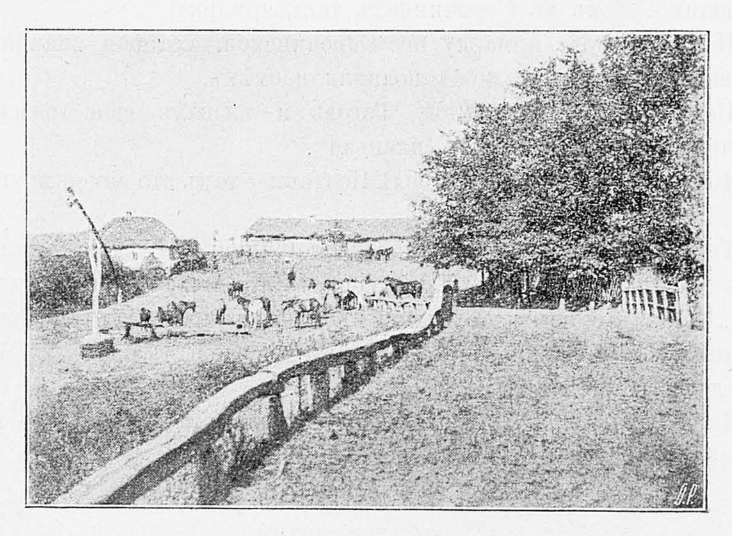
выписка на французскомъ языкѣ всѣхъ мѣстъ изъ брошюръ, касающихся Гоголя.

Оригиналъ хранится.

Тутъ же рукопись Гоголя: „Семеновъ день“ и „Осенняя родительская“. На этой же тетрадкѣ „Бытъ крестьянина въ Малороссіи“. Только одно заглавіе.

3-й листъ.

Дипломъ почетнаго члена московскаго университета Н. В. Гоголя, данный 16 іюня 1848 года, за подписью попечителя округа графа Сергѣя Строгонова *).

Подъѣздъ къ новой усадьбѣ въ селѣ Яновщинѣ.

Послѣдняя бумага — масса писемъ Гоголя къ матери и сестрамъ, начиная съ гимназическихъ лѣтъ до послѣднихъ дней. Письма эти были приведены въ порядокъ Н. П. Трушковскимъ, и, кромѣ того, сюда добавлены новыя письма, найденныя Н. В. Быковымъ.

Вотъ все, что я могъ видѣть въ этомъ дорогомъ русскому человѣку портфелѣ.

---

*) Дипломъ этотъ переданъ мною по просьбѣ Н. В. Быкова для общества любителей россійской словесности.

Хорошо въ Яновщинѣ!

Кругомъ степь, прорѣзанная балками, усѣянная хуторами, съ тѣнистыми садочками.

Прямо, отъ церкви, начинается степь. Подлѣ церкви, собственно между церковью и плотиной, которая раздѣляетъ два пруда и которая когда-то была усажена старыми-престарыми вербами, четыре раза въ годъ собирается ярмарка. Ее-то, говорятъ, Гоголь и описалъ и назвалъ ее „Сорочинской“ потому, что Сорочинцы были извѣстны во всей округѣ, а Яновщину въ тѣ времена и не зналъ никто. Какая, молъ, такая ярмарка въ какой-то Яновщинѣ! Вотъ въ Сорочинцахъ такъ ярмарка!

Назови Гоголь ярмарку не Сорочинской, которая знаменита, а Яновщинской—и тоже бъ подняли насмѣхъ.

Вотъ по тому же самому Гоголь и назвалъ свои разсказы „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“.

Диканьку всѣ знаютъ. Послѣ Полтавы—тамъ это самое крупное имя.

Теперь каждый ученикъ народнаго училища только и мечтаетъ, какъ бы Диканьку и ея хутора посмотрѣть. А тутъ еще приглашеніе: „Когда кто изъ васъ будетъ въ нашихъ краяхъ, то заверните ко мнѣ: я васъ напою удивительнымъ грушевымъ квасомъ“. Такъ приглашалъ пáсѣчникъ Рудый Панькó.

Да я самъ, лѣтъ 35 тому назадъ, зналъ уже Диканьку и всей душой стремился туда, гдѣ

Великъ и славенъ Кочубей,
Его поля необозримы,

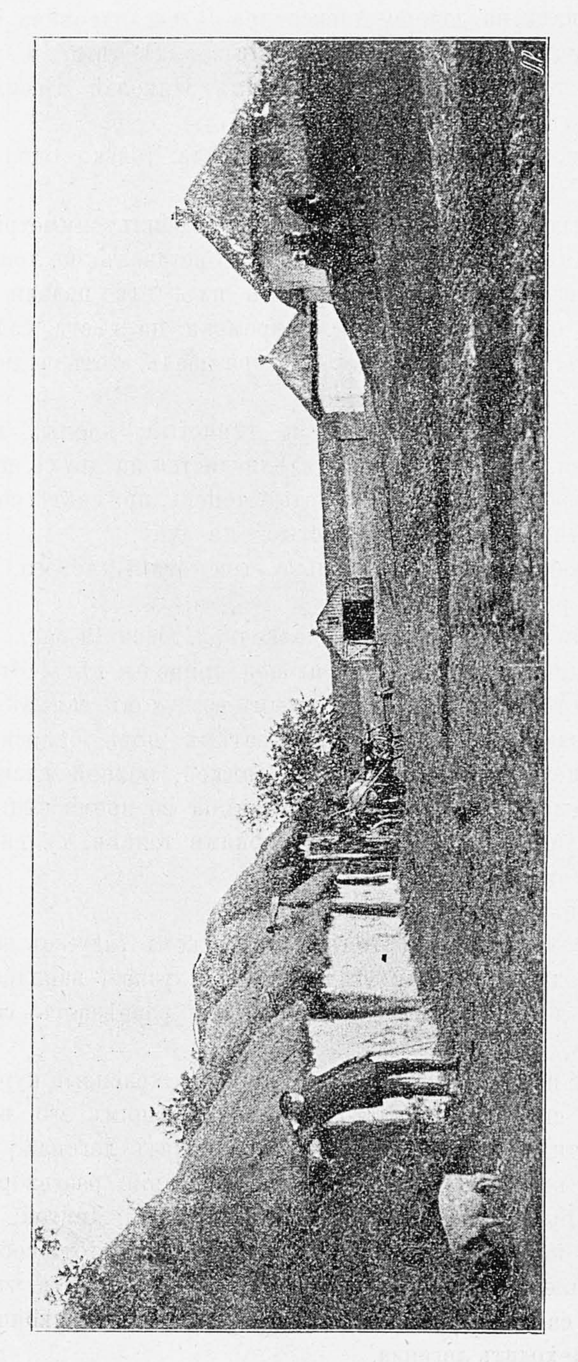
стремился посмотрѣть и хуторъ близъ Диканьки, гдѣ Рудый Панькó разсказывалъ такія страшныя вещи, и посмотрѣть Полтаву и „Побиванку“, гдѣ побили шведовъ...

И вотъ только теперь, черезъ 35 лѣтъ послѣ первыхъ моихъ мечтаній, пишу я эти строки на томъ самомъ хуторѣ близъ Диканьки, въ домѣ, осѣненномъ деревьями, которыя сажалъ самъ Николай Васильевичъ Гоголь и отецъ его Василій Аѳанасьевичъ.

Это—новая усадьба Гоголей, принадлежащая старѣйшему въ родѣ ихъ, Н. В. Быкову.

Часа въ два дня примчался я на великолѣпныхъ кочубеевскихъ лошадяхъ черезъ плотину во дворъ Н. В. Быкова.

Меня встрѣтила группа дѣтокъ. Въ нихъ уже слились три фамиліи. Это—Быковы, Гоголи и Пушкины.

Улица въ Яновщинѣ.

Н. В. женатъ на дочери Александра Александровича Пушкина—сына Александра Сергѣевича. У Быковыхъ дѣти, и растутъ ихъ дѣти въ томъ саду, который садилъ Николай Васильевичъ Гоголь, ихъ дѣдъ.

Странно посаженъ садъ на берегу пруда: только одна аллея, а тамъ—все вразбросъ.

Таково было желаніе Гоголя. Онъ не любилъ симметріи.

Онъ входилъ на горку, или просто вставалъ на скамейку, набиралъ горсть камешковъ и бросалъ ихъ: гдѣ падали камни, тамъ сажалъ онъ деревья. До того времени на мѣстѣ сада былъ большой лугъ, и на немъ-то Н. В. образовалъ этотъ чудный, тѣнистый садъ.

Впрочемъ, нѣтъ, теперь онъ не тѣнистый: клены, любимое дерево Гоголя, уже облетѣли; уцѣлѣли листья на двухъ его также любимыхъ деревьяхъ: желтые, золотые теперь, при свѣтѣ солнца,—на липѣ, и темно-зеленые, кожистые—на дубѣ.

Гоголь любилъ и сажалъ только три этихъ дерева. Теперь между ними разросся берестъ.

Хотя осень, но осень ясная, солнечная. Осенній садъ на меня не производитъ впечатлѣнія умирающей природы, нѣтъ! Это—природа освѣжается передъ сномъ чистымъ воздухомъ, затѣмъ умоется холодными, здоровыми дождями, а затѣмъ подъ бѣлоснѣжнымъ одѣяломъ уснетъ, чтобы проснуться свѣжей, полной жизни, готовой къ дѣятельности, прекращенной зимой во время сна.

Я люблю осень съ ея особыми, яркими тонами, съ ея бодрящимъ воздухомъ.

Хорошо въ саду въ такую осень!..

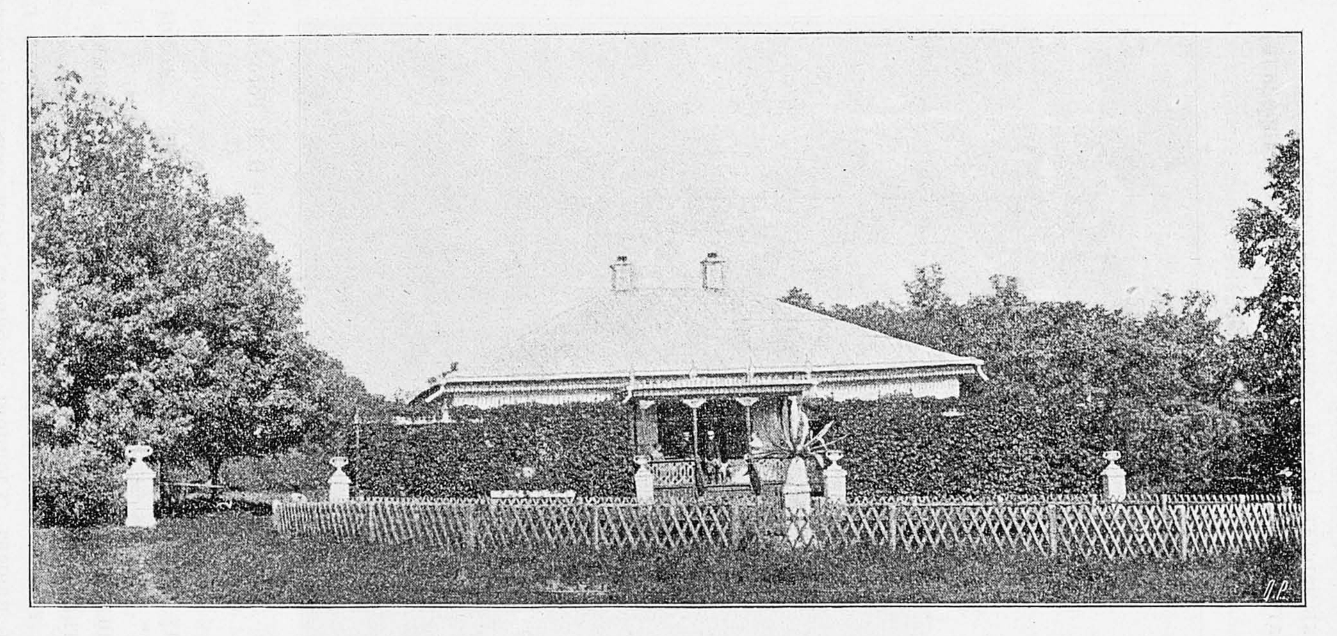
Особенно хорошо въ этомъ, Гоголевскомъ саду: съ большой аллеи переходишь поперекъ сада длинной, узкой, извилистой дорожкой. Эта дорожка неправильной линіей разрѣзаетъ садъ: налѣво—прудъ, а направо—домъ.

На одной изъ полянъ сада, около дубковъ, красивый курганчикъ съ густымъ, сиреневымъ кустомъ, увѣнчивающимъ его вершину.

Въ печати по поводу этого кургана ходитъ легенда.

Одинъ изъ заѣзжихъ собирателей преданій разговорился съ живущей у Быковыхъ старой няней, Маланьей Дригой, которая еще хорошо помнитъ „паныча“. И разговорился этотъ собиратель съ няней и съ ея словъ, съ добавленіемъ своего, записалъ, что здѣсь, подъ этимъ самомъ курганомъ, Гоголь зарылъ свои рукописи.

И пошла ходить легенда.

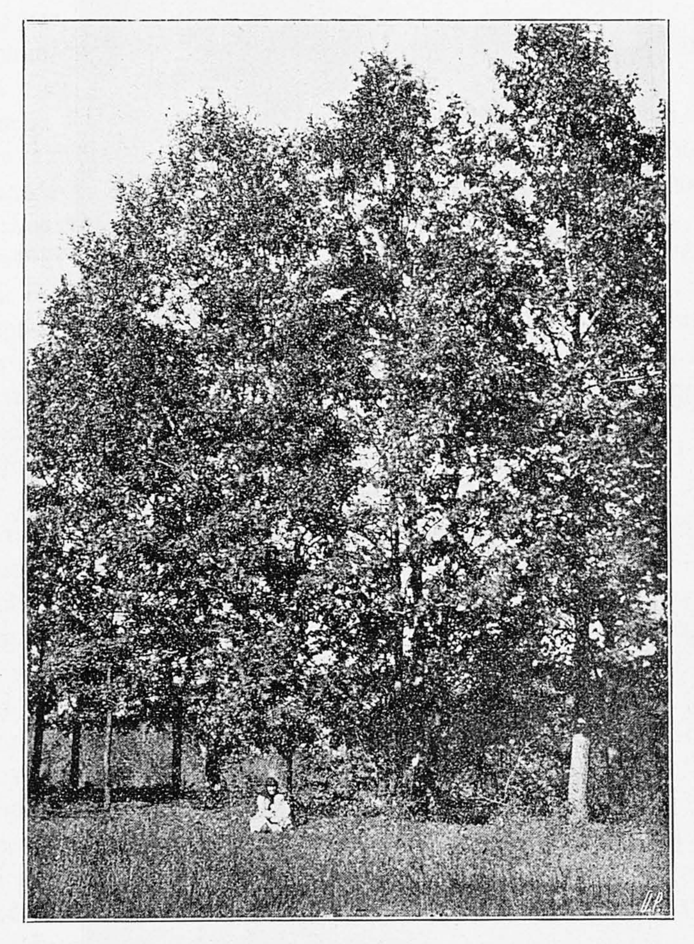

Новая усадьба Н. В. Быкова въ саду, разведенномъ В. А. и Н. В. Гоголями.

Говорилъ и я съ няней.

— Такъ зарылъ Гоголь бумаги въ курганъ?

— Братъ мой говорилъ, что когда панычa спросили, зачѣмъ

Часть дубовъ въ саду, разведенномъ В. А. и Н. В. Гоголями.

это въ саду горку дѣлаетъ, такъ онъ отвѣтилъ: „чтобы меня вспомнили".

— А видѣлъ братъ твой или кто-нибудь, что панычъ клалъ туда бумаги?

— Ни, только такъ говорили. А може и нѣтъ. Тогда голодъ былъ, такъ панычъ хлопцевъ собиралъ: они ему землю таскали

на горку, а онъ имъ платилъ; и братъ мой хлопцемъ былъ, тоже работалъ.

Такова исторія этого кургана въ саду. Вся легенда о бумагахъ—ложь. Гоголь просто помогалъ въ голодный годъ, давая эту помощь въ видѣ оплачиваемаго труда.

Садъ—новый по эту сторону пруда, благоустроенъ, прекрасно содержится, каждое деревцо бережется.

По ту сторону пруда—мѣсто старой усадьбы Гоголя, но она далеко не въ такомъ видѣ, какова была при жизни Гоголя: усадьба перестроена вся заново, даже не сохранены мѣста старыхъ построекъ, садъ наполовину вырубленъ. Отъ любимыхъ Гоголемъ прямой аллеи и кленовой площадки сохранилось, отъ первой—только половина одной стороны, а отъ кленовой площадки—только два клена. На берегу пруда доживаютъ гигантскіе пни столѣтнихъ дубовъ, своей тѣнью покрывавшихъ въ былыя времена всю полянку, гдѣ когда-то Гоголь любилъ сидѣть на берегу пруда. Какихъ-нибудь шесть лѣтъ назадъ уничтожили этихъ великановъ. Рощицы за церковью и около школы тоже вырублены; отъ послѣдней остался только бордюръ, а середины нѣтъ.

Сестра Гоголя О. В. Головня, живущая и понынѣ.

Изъ всѣхъ строеній уцѣлѣла только одна камора, помнящая Гоголя и изветавшая окончательно. Это—небольшое деревянное зданіе, поставленное на кирпичномъ погребѣ и служащее, какъ прежде, складомъ для разныхъ припасовъ. О флигелѣ, въ которомъ будто бы жилъ Гоголь, о которомъ много писалось и пишется и который даже у одного изъ кіевскихъ корреспондентовъ названъ домомъ, гдѣ родился Гоголь, Анна Васильевна Гоголь пишетъ Н. В. Быкову слѣдующее: „что Гоголь въ немъ останавливался по необходимости только въ послѣдній разъ за недостаткомъ мѣста въ домѣ, что вообще вся усадьба заново обстроена по вкусу новыхъ владѣльцевъ, неузнаваема и потому неинтересна для интересующихся Гоголемъ“.

Кромѣ сестры Гоголя, Ольги Васильевны, изъ современниковъ его въ Яновщинѣ есть нѣсколько человѣкъ, бывшихъ въ то время дѣтьми, а изъ служившихъ Гоголю—только двое, супруги Юрченки: Петръ—поваръ и Настасья — горничная Марьи Ивановны. Я ви-

Петръ и Настасья Юрченки, служившіе еще Гоголю и проживающіе теперь въ селѣ Яновщинѣ.

дѣлъ ихъ, и они достойны описанія. Это такіе ветхіе старики, какихъ я никогда нигдѣ не видалъ. Они доживаютъ свой вѣкъ на пенсіи у Н. В. Быкова и помѣщаются въ маленькой хатѣ. Я ихъ засталъ, когда они, едва-едва двигаясь, выползали изъ хаты погрѣться на солнышкѣ. Они при моемъ пріѣздѣ остановились у порога, такіе согнутые, скрюченные да сморщенные, будто въ

землю вросли. А волосы у обоихъ еще цѣлы, зато глаза плачутъ, еле смотрятъ, особенно у старика: это сказались десятки лѣтъ у плиты. Оба они мнѣ напомнили старыя деревенскія хаты, вросшія въ землю, съ растрепанными, облѣзлыми соломенными крышами, со слезящимися тусклыми окнами. И они такіе же! У старухи еще глаза болѣе живые, но зато лицо — совершенно печеное яблоко: кожи гладкой нѣтъ, однѣ сплошныя морщины.

О Гоголѣ они мало помнятъ, и ничего интереснаго не сказали. Старуха только сказала, что была въ Москвѣ и жила въ домѣ Погодина съ господами.

Я припомнилъ имъ одинъ фактъ изъ гоголевскихъ временъ, слышанный мною ранѣе. Въ Яновщинѣ былъ священникъ о. Капустянскій. Въ день св. Пантелеймона, или, какъ называютъ здѣсь этотъ день, „на Паликопу", работать не полагается, такъ какъ, по преданію, если хлѣбъ убранъ въ этотъ день, то его сожжетъ молніей.

И вотъ, однажды, въ день св. Пантелеймона священникъ о. Капустянскій увидѣлъ крестьянъ, которые везли возы хлѣба. Онъ выскочилъ съ восковой свѣчкой, зажегъ возы съ хлѣбомъ, а испуганные волы бросились въ село и спалили хаты. Своевременно это дѣло было въ консисторіи, но не получило хода.

Вотъ я и спрашиваю:

— Помните, старики, какъ попъ на Паликопу спалилъ возы?

— Эге... Якъ же... Це пипъ Капуста... Це винъ спаливъ, выскочилъ со свѣчой и спалилъ... На Паликопу було...

И разсказывая подробности, оба они оживились, перебивали другъ друга.

А потомъ смолкли, потускли и замерли, потративъ послѣднія силы на разсказъ о томъ, что было имъ близко и хорошо сохранилось въ памяти. Гоголь ихъ не интересовалъ.

Немного осталось современниковъ Гоголя, которые помнили бы что-нибудь интересное о немъ. И перезабыли все, да и Гоголь мало жилъ въ своихъ мѣстахъ. Я объѣхалъ всѣ мѣста, гдѣ бывалъ Гоголь, и мало осталось, кто его помнитъ. Въ Кибенцахъ, имѣніи Трощинской, и въ Миргородѣ—никого. Въ Шишакѣ современница Гоголя, г-жа Е. П. Петрова, указала только на одинъ интересный фактъ: мать Гоголя, Марья Ивановна, пріѣхала въ Миргородъ по

дѣлу въ повѣтовый судъ, послѣ того уже какъ появился разсказъ объ Иванѣ Ивановичѣ и Иванѣ Никифоровичѣ. Миргородскіе чиновники были такъ злы на Гоголя, что Марьѣ Ивановнѣ, уважаемой помѣщицѣ, не предложили сѣсть, и она простояла часа два, пока получила нужную справку.

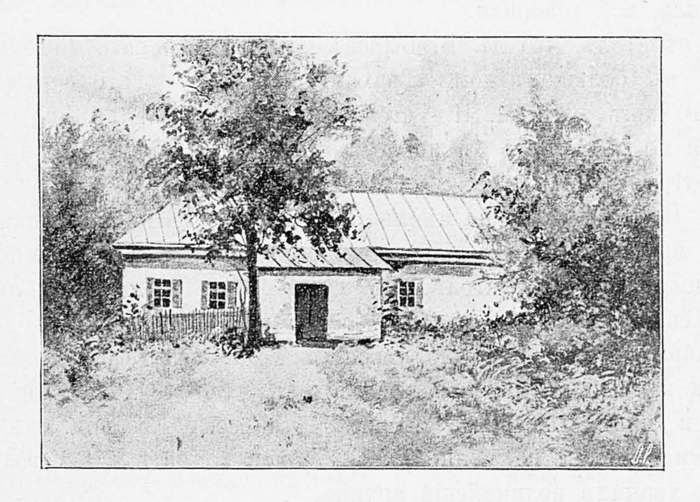
Въ Полтавѣ нашелъ я М. Г. Анисимо-Яновскую и г-жу Яновичъ, которую я встрѣтилъ у М. Я. Рахубовской, племянницы Гоголя. У послѣдней сохранились вещи, принадлежавшія Гоголю и, между прочимъ, большой образъ Спасителя, написанный для Гоголя кѣмъ-то изъ его друзей-художниковъ. У другого племянника Гоголя Юрія Влад. Быкова есть тоже память дяди: тетрадка съ рисунками-копіями римскихъ образовъ, гербаріи его, бронзовый образъ Спасителя, вывезенный Гоголемъ изъ Рима, копія съ письма Гоголя къ Жуковскому и мн. др. Между прочимъ, записка Гоголя слѣдующаго содержанія: „Помилуй меня, грѣшнаго! Прости, Господи! Свяжи вновь сатану таинственною силою неисповѣдимаго креста“.

Въ Б. Сорочинцахъ живетъ М. Н. Кульбовская, хорошо помнящая Гоголя. Она занимаетъ небольшой домикъ въ одной изъ отдаленныхъ улицъ. Я провелъ съ ней полчаса въ весьма интересной бесѣдѣ, имѣющей еще то важное значеніе, что Марья Никитична окончательно меня увѣрила, что Гоголь родился именно во флигелькѣ Трахимовскихъ, указанномъ мною въ первой моей поѣздкѣ, а не въ большомъ домѣ, на который, между прочимъ, указывалъ мнѣ Н. В. Быковъ. Большого дома уже нѣтъ, только слѣды фундамента еще можно найти во владѣніи бывшаго станового П. М. Ереськи, владѣльца усадьбы Трахимовскихъ. Во всякомъ случаѣ мѣсто рожденія Гоголя — Б. Сорочинцы, и тамъ предполагается постановка памятника. Какъ разъ рядомъ съ домомъ Трахимовскихъ находилась и усадьба графа Гудовича. Управляющимъ Гудовича былъ во времена Гоголя вотчимъ Марьи Никитичны, которая кончила курсъ въ Москвѣ въ Екатерининскомъ институтѣ въ 1837 году; была въ 1839 году классной дамой въ московскомъ пансіонѣ Севенардъ, а затѣмъ съ того же года навсегда поселилась въ Б. Сорочинцахъ. Она хорошо помнитъ Гоголя, который, вмѣстѣ со своей матерью, пріѣзжалъ два раза гостить къ Трахимовскимъ въ Сорочинцы, и каждый разъ гостилъ по недѣлѣ слишкомъ. Марья Ивановна и послѣ смерти сына нерѣдко ѣздила въ Сорочинцы, и онѣ часто видались. О встрѣчахъ съ Гоголемъ Марья Никитична разсказываетъ съ большой радостью. Видно, что эти

воспоминанія — лучшія въ ея жизни. Въ первый пріѣздъ Гоголь былъ одинъ, а во второй—совершенно измѣнился.

О первой встрѣчѣ М. Н. говоритъ такъ (записано стенографически):

— Это было въ 41 году. Марья Ивановна гостила у Трахимовскихъ, а онъ и пріѣхалъ, и пробылъ больше недѣли. Домъ, гдѣ я жила, былъ рядомъ съ Трахимовскимъ, и мы другъ у друга постоянно гостили, и сразу, въ первый день, познакомились съ Гоголемъ. Любезный, привѣтливый, веселый! Какъ чудно говорилъ! Читалъ намъ всѣмъ по вечерамъ... Не помню сейчасъ, что именно,

Домъ въ Сорочинцахъ, въ которомъ родился Гоголь.

а лѣтъ пять тому назадъ помнила... Да никто не спрашивалъ, записать не догадались... А теперь голова часто болитъ... Много перезабыла... Помню, вечеромъ какъ-то, ясно помню, сидимъ мы дома, а Гоголь пришелъ къ намъ, да и говоритъ: „что тутъ засидѣлись, пойдемъ къ Трахимовскимъ!“ И пошли, и танцовали вечеромъ кадриль, и онъ танцовалъ, но только путалъ фигуры... Много смѣялись... Тогда онъ мнѣ въ альбомъ институтскій стихи написалъ, не помню какіе! Жаль очень: альбомъ въ шестидесятомъ году сгорѣлъ во время пожара...

М. Н. подала мнѣ со стола книжку и сказала:

— Его подарокъ! Другая книга его была, много чего-то на ней онъ написалъ, да пропала!.. Какъ жаль... какъ жаль! И кто утащилъ,—не знаю! А нѣтъ ея, нѣтъ!..

Я взялъ книгу. „Вечера на хуторѣ“, изд. 1832 г., типографія Плюмара. На ней надпись рукою Гоголя: „1843 г. На память“, а дальше французскими буквами: „Lo Go—N.“. Чернила пожелтѣли отъ времени, буквы и послѣдняя цифра года стерлись.

— Грустный онъ тогда пріѣхалъ, неразговорчивый, все больше одинъ. Со мной, впрочемъ, разговаривалъ... Подарилъ мнѣ книги и уѣхалъ...—грустно-грустно проговорила М. Н.

Я ей задалъ вопросъ, гдѣ родился Гоголь.

— А тамъ, гдѣ былъ свѣчной заводъ, во флигелѣ Трахимовскихъ. Это Марія Ивановна мнѣ сама сказывала, и Трахимовская говорила, всѣ говорили.

Я отвѣтилъ, что Н. В. Быковъ утверждаетъ, что Гоголь родился въ большомъ домѣ Трахимовскихъ и что это весьма вѣроятно, такъ какъ М. И. Гоголь пользовалась такимъ почетомъ, что ея не помѣстили бы иначе, какъ въ большомъ домѣ, а не во флигелѣ для пріѣзжихъ.

— Нѣтъ, я слышала именно иначе: Марья Ивановна пріѣхала въ то время, когда много въ домѣ было гостей, и ее помѣстили для спокойствія во флигелѣ, а на третій день съ новорожденнымъ уже ихъ перевели въ домъ...

Такимъ образомъ можно, наконецъ, установить фактъ рожденія Гоголя именно въ маленькомъ флигелѣ, существующемъ до сихъ поръ и принадлежащемъ бывшему становому Ереськѣ, гдѣ онъ во время службы и именно въ той самой комнатѣ, гдѣ Гоголь родился, хранилъ полицейскій архивъ.

Изъ современниковъ Гоголя въ Сорочинцахъ теперь только три лица: Марія Никитична, О. З. Королева и Радько.

Я долго разыскивалъ послѣдняго и, наконецъ, мнѣ его привели въ садъ къ моему доброму знакомому, гвардейскому гусару В. И. Чарнышу, у котораго когда-то онъ служилъ сторожемъ. Радько въ сороковыхъ годахъ служилъ лакеемъ у Трахимовскихъ, помнитъ Гоголя очень мало, помнитъ, что его звали „сочинителемъ“ и онъ служилъ ему, какъ и другимъ господамъ, за столомъ.

— А какъ тебя зовутъ?—спросилъ я старика.

— Радько.

— Что же, это фамилія твоя?

— Ни... Радькомъ звали, Радькомъ и зовутъ. А по имени, по бумагамъ я Родіонъ Солопъ! Ось якъ по бумагамъ... А зовутъ Радько!

Безусловно самой разговорчивой и памятливой современницей

Гоголя явилась Марья Григорьевна Анисимо-Яновская, состоящая даже въ дальнемъ родствѣ съ Гоголями.

Я разыскалъ ее въ Полтавѣ на Монастырской улицѣ, въ д. Харитоненка. Она живетъ въ маленькой, чистенькой квартиркѣ, гдѣ я просидѣлъ у нея часа два. На мой вопросъ о Гоголѣ, Марья Григорьевна сказала:

— Помнить-то я его, конечно, помню. Только мы, дѣти, прежде на него вниманія не обращали: молчаливый такой, угрюмый, ни съ кѣмъ не говоритъ, поѣстъ и уйдетъ въ свою комнату. Да вотъ я часто бывала въ Яновщинѣ, а звука голоса Гоголя не слыхала. Помню, послѣдній разъ, мнѣ было лѣтъ десять, видѣла я его въ Яновщинѣ. Онъ былъ блѣдный, волосы длинные и глазъ за обѣдомъ не поднялъ, поѣлъ немного и ушелъ. Съ тѣхъ поръ я его больше и не видала. Ужъ послѣ его смерти жила я долго въ Яновщинѣ; тогда Кулишъ пріѣзжалъ, бумаги разбирали... А вѣдь и не думалъ никто! Послѣ уже, читая его сочиненія, мнѣ многое стало ясно, съ кого онъ писалъ. Впрочемъ, я не любила его читать: ничего для меня новаго, написалъ то, что я сама знаю, что каждый день вижу, или ужъ выдумки въ родѣ Вія. Ну, что это такое? Гоголь все это отъ старыхъ бабъ взялъ: тѣ все про вѣдьмъ да вовкулаковъ, бывало, намъ страсти разсказывали. А какія вѣдьмы? Ихъ нѣтъ. Помню, пріѣзжалъ къ намъ дядя родной, братъ отца... Отецъ мой былъ военный, заслуженный, потомъ разжалованъ изъ офицеровъ былъ, а тамъ снова на войнѣ отличился и ему корнета дали. Тогда онъ вышелъ въ отставку. Смѣлый былъ! А дядя еще смѣлѣе. За обѣдомъ разъ мать жалуется отцу, что вѣдьма нашихъ коровъ по ночамъ выдаиваетъ, къ утру никогда молока нѣтъ, что прислуга даже видѣла вѣдьму у коровъ. А коровы стояли надъ балкой, въ загонѣ. Ну, дядя и говоритъ отцу:

— Ходимо, застукаемъ вѣдьму!

И пошли. Спрятались подъ дерево около загона и ждутъ. Вдругъ, въ самую полночь изъ балки лѣзетъ она, вся въ бѣломъ, волосы распущены, то собакой ворчитъ, то свиньей хрюкаетъ. Отецъ испугался, молитву творитъ, а дядя выскочилъ да вѣдьму за косу. Та на него собакой лаять... А дядя кричитъ отцу:

— Сейчасъ ей уши и носъ обрѣжу!—Да и вынулъ кинжалъ. Вѣдьма на колѣни. Посмотрѣли—сосѣдка наша, казачка, цѣлый годъ наше молоко ѣла!.. Вотъ онѣ вѣдьмы-то какія!.. Вотъ и Вій тоже, бабьи розсказни! Не люблю я этихъ хвантазій у Гоголя.

Марья Григорьевна закурила папироску и еще разъ повторила:

— Не люблю этихъ хвантазій! А вотъ чиновниковъ да помѣщиковъ описывалъ хорошо. Я сама помню, какъ въ Миргородѣ чиновники жили, получали два рубля въ мѣсяцъ и на службу изъ дома шли босякомъ по миргородской грязи; прійдуть, обуются въ сѣняхъ, — и въ судъ... Ось, якъ воно було! А важничали чиновники! Изъ послѣднихъ силъ тянулись, все богатство свое показывали. Жаль, что ихъ Гоголь не всѣхъ зналъ, а то много бы еще написалъ. Былъ одинъ у насъ чиновникъ такой, сосѣдъ нашъ, въ Полтавѣ, три рубля въ мѣсяцъ получалъ, а велъ себя богатеемъ: одежда — ни пылинки, сапоги — какъ зеркало, манишка — снѣговая... Каждое утро, бывало, сядетъ у открытаго окна съ папироской, съ газетой, и ложечкой въ стаканѣ помѣшиваетъ. Товарищи идутъ на службу и зовутъ его, а онъ отвѣчаетъ:

— Прочитаю газету, напьюсь чаю и прійду. А какой чай? Квасъ-сырецъ, за копейку кувшинъ купитъ, нальетъ въ стаканъ да ложечкой и мѣшаетъ... А газета старая—съ чердака досталъ. И вотъ едва этотъ чиновникъ на богатой не женился. И женился бы, да колокольчикъ все дѣло сгубилъ.

Марья Григорьевна встала, прошлась по комнатѣ и продолжала:

— А тоже въ Полтавѣ, въ своемъ домѣ, жили два брата, помѣщики-милліонеры,—домъ ихъ на базарѣ былъ,—а такіе скупые, что по ночамъ поочередно открывали окна и съ разныхъ сторонъ по-собачьи лаяли. Одинъ спитъ, другой лаетъ... „Пусть, молъ, знаютъ, какая у насъ псарня!..“ Ихъ кто-то описалъ даже... А вотъ съ колокольчикомъ писателямъ не попался... А було, було!

— Ну какъ же это было?

— А вотъ какъ! Началъ этотъ самый франтъ-чиновникъ свататься къ дочери богатаго помѣщика и самъ себя за богатаго выдавалъ. Забыла я фамилію-то... А знала!.. Сквозь сонъ вспоминаю... А жили помѣщики за Ворсклой!.. Назначили они балъ и его, въ качествѣ жениха, пригласили. Ну, извѣстно, онъ сапоги на палку, палку на плечо—и ходу! Грязь... Осень... Подходитъ къ Ворсклѣ,—бродъ, а перебраться не знаетъ какъ... Ѣдутъ гости въ бродъ въ бричкахъ, попросить перевезти жениху, — себя осрамитъ. Такъ онъ на коровѣ верхомъ переправился и прямо въ садъ къ нимъ. Вынулъ изъ кармана колокольчикъ — бѣжитъ и звенитъ, будто тройка ѣдетъ. Добѣжалъ до подъѣзда, вошелъ въ домъ важно этакъ... Спрашиваютъ хозяева: „гдѣ лошади?“

А онъ говоритъ:

— Обратно домой отправилъ, расковались.

Такъ бы и сошло, и женился бы навѣрно, да одно бѣда: стали танцовать, а колокольчикъ-то изъ кармана на грѣхъ и вывались. А тутъ хозяйскій сынъ разсказалъ, „какъ дядя съ колокольчикомъ по саду прыгалъ“, а другіе видѣли, какъ на коровѣ черезъ рѣку верхомъ ѣхалъ... Вышелъ скандалъ, драка, и жениха выгнали...

Ось якъ було!

И всю правду Гоголь писалъ, всю правду! Вотъ Коробочку взять. Сколько такихъ Коробочекъ было! И теперь онѣ есть... А ту Коробочку прямо, кажется, съ моей тети, Пивинской, списалъ... А что мысль написать „Мертвыя души“ взята съ моего дяди Пивинскаго, такъ это я навѣрно знаю и знаю, какъ это произошло.

— Что же Чичикова Гоголь писалъ съ Пивинскаго?

— Нѣтъ, Чичикова съ другого кого-то списалъ, а самую мысль „Мертвыхъ душъ“ далъ Пивинскій. Это ужъ я достовѣрно знаю. Пивинскіе были мои дядя и тетя, у нихъ я часто въ Федункахъ бывала; это 17 верстъ отъ Яновщины.

Въ послѣднюю поѣздку я заѣзжалъ въ Федунки. Это близъ станціи Сагайдакъ, Кіево-Полтавской ж. д. Прежде Федунки принадлежали Пивинскому, а теперь ими владѣетъ Иванъ Сильвестровичъ Убій-Собака. Да, Убій-Собака! А братъ у него — Максимовъ. Онъ урядникомъ въ с. Шишакѣ. На службу поступилъ — былъ Убій-Собака, а потомъ, — село чужое, — кричатъ: „Убій-Собака! Убій-Собака!“ До того довели, что подалъ на высочайшее имя и попросилъ перемѣнить фамилію. Дали Максимовъ, а зовутъ все „Убій-Собака“. Въ Диканькѣ и теперь урядникъ Бугай. Тоже перемѣнилъ въ прошломъ году фамилію: дали Анисимовъ, а все Бугаемъ зовутъ. Ну, того ужъ нужда заставила перемѣнить фамилію, прямо нужда... Чудныя фамиліи есть на Украйнѣ: Отче-Нашъ, Загуби-Палецъ, Непейвода, Непейпиво, Пищимуха, Затули-Вѣтеръ и даже такія, которыхъ и сказать нельзя; а есть, удивительныя есть...

Далѣе Марья Григорьевна разсказываетъ:

— Исторія „Мертвыхъ душъ“ такова: у Пивинскихъ было 200 десятинъ земли и душъ 30 крестьянъ и дѣтей пятеро. Богато жить нельзя, и существовали Пивинскіе винокурней. Тогда

у многихъ помѣщиковъ были свои винокурни, акцизовъ никакихъ не было.

Вдругъ, это еще до меня было, начали разъѣзжать чиновники и собирать свѣдѣнія о всѣхъ, у кого есть винокурни. Пошелъ разговоръ о томъ, что у кого нѣтъ пятидесяти душъ крестьянъ, тотъ не имѣетъ права курить вино. Задумались тогда мелкопомѣстные: хоть погибай безъ винокурни.

А Харлампій Петровичъ Пивинскій хлопнулъ себя по лбу да сказалъ:

— Эге! Не додумались!

И поѣхалъ онъ въ Полтаву, да и внесъ за своихъ умершихъ крестьянъ оброкъ, будто за живыхъ... А такъ какъ своихъ, да и съ мертвыми, далеко до пятидесяти не хватало, то набралъ онъ въ бричку горилки, да и поѣхалъ по сосѣдямъ, и накупилъ у нихъ за эту горилку мертвыхъ душъ, записалъ ихъ себѣ, и, сдѣлавшись по бумагамъ владѣльцемъ пятидесяти душъ, до самой смерти курилъ вино и далъ этимъ тему Гоголю, который бывалъ въ Федункахъ, да, кромѣ того, и вся миргородчина знала про мертвыя души Пивинскаго.

Чудаки были эти Пивинскіе! И совершенно между собою противоположные люди: Пивинская Марія Ивановна,—она родная сестра моей матери,—важничала, выпяливалась, изъ послѣднихъ кишокъ тянулась, а Харлампій простякъ былъ! Ни на что вниманія! Была у меня еще тетя, полковница Морская, мужъ у нея морякъ былъ; вотъ и пріѣзжаемъ мы съ тетей къ Пивинскимъ. Выходитъ самъ въ новой чумаркѣ, какъ сейчасъ вижу; одинъ рукавъ синій, другой—пестрый, одна пола синяя, другая—красная, а спина диванной матеріи съ турецкими огурцами.

Мы такъ и остолбенѣли.

И говоритъ ему Морская:

— Какъ тебѣ, Харлампій Петровичъ, не стыдно такимъ чучеломъ одѣваться?

А онъ стоитъ, пузатый такой, смѣется, говоритъ:

— Эге? Бачите? Добре... И ей Богу жъ гарно!

— Да стыдно...

— Абы новенько, да чистенько... Гарный архалукъ!

И пошелъ къ обѣднѣ.

А то разъ за обѣдомъ собрались гости. Марья Ивановна подала на пирожное безе. А Харлампій попробовалъ, да какъ закричитъ на нее:

— Що се таке! Да якіе чорты-батьки, чого повыдумывали! И нема лучше, какъ пшеняна каша, да еще молокомъ прилита... А що се таке: ни во ротѣ ни въ животѣ...

И вотъ выдумка этого самаго чудака послужила темой для безсмертнаго произведенія.

Біографы Гоголя доказываютъ, что Пушкинъ далъ ему тему для „Мертвыхъ душъ".

Нисколько не отрицая этой версіи, я смѣю полагать, что, можетъ-быть, Гоголь въ бесѣдѣ съ Пушкинымъ разсказалъ ему, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, происшествіе съ Пивинскимъ, и Пушкинъ ему посовѣтовалъ воспользоваться этимъ матеріаломъ. Рѣшить, откуда тема,—предоставляю болѣе свѣдущимъ людямъ, а мое дѣло было собрать о Гоголѣ тѣ матеріалы, которые доселѣ не были извѣстны и въ короткое время исчезли бы.

Троюродный братъ и предки Гоголя.

I.

Н. В. Гоголь въ своихъ письмахъ, собранныхъ В. И. Шенрокомъ, нѣсколько разъ упоминаетъ о своихъ родственникахъ духовнаго званія. Такъ, 1) томъ III, стр. 497, въ письмѣ къ Прокоповичу, онъ говоритъ:

„Разузнай пожалуйста, какой появился другой Гоголь, будто мой родственникъ. Сколько помню, у меня родственниковъ Гоголей не было ни одного, кромѣ моихъ сестеръ, которыя, во-первыхъ, женскаго рода, а во-вторыхъ, въ литературу не пускаются. У отца моего были два двоюродныхъ брата-священника, но тѣ были просто Яновскіе, безъ прибавленія Гоголя, которое осталось только за отцомъ. Если появившійся Гоголь есть одинъ изъ сыновей священника Яновскаго, изъ которыхъ я однако до сихъ поръ еще не видалъ своими глазами никого, то въ такомъ случаѣ онъ можетъ дѣйствительно мнѣ приходиться троюроднымъ братомъ", и т. д.

2) Въ письмѣ къ П. Н. Косяровскому, томъ I, стр. 106, Гоголь пишетъ: „Вы знаете этого алчнаго попа Меркурія, который съ жадностью слѣдитъ наше имѣніе и который, пользуясь правомъ родства, уже зажилилъ порядочный кусокъ". Примѣч. 7 стр. также.

„Священникъ Яновскій, дальній родственникъ Гоголя, не пользовавшійся его симпатіей, какъ и его сынъ, Степанъ Меркурьевичъ".

3) Томъ III, стр. 198, прим. 2. Сынъ священника Яновскаго, о. Меркурія, по воспоминаніямъ А. В. Гоголь, — также священникъ, дальній родственникъ семейства Гоголя.

4) Въ первомъ томѣ „Матеріаловъ для біографіи Гоголя" сказано, что Гоголь, „подобно Пушкину, никогда не интересовался своей генеалогіей". Далѣе указывается на Остапа Гоголя, родъ котораго— древній и славный, и, говоритъ В. И. Шенрокъ, „такимъ образомъ предки Николая Васильевича принадлежали къ старинному малороссійскому роду, получившему нѣкоторую извѣстность во времена Богдана Хмельницкаго. Позднѣе родъ этотъ, подобно многимъ другимъ, подчинялся чуждому вліянію, и въ числѣ двухъ своихъ представителей вступилъ было въ ряды польскаго шляхетства, но вскорѣ возвратился къ православной вѣрѣ".

Далѣе: „*Еще отецъ Аѳанасія Демьяновича былъ православный, онъ даже постригся по окончаніи курса въ кіевской духовной семинаріи во священники* въ родномъ селѣ Кононовкѣ, Лубенскаго уѣзда, куда переселился изъ своихъ польскихъ владѣній родитель его, Янъ Гоголь. Вотъ почти все, что извѣстно о предкахъ Гоголя", заключаетъ біографъ.

Въ томъ же томѣ, на стр. 376, помѣщены свѣдѣнія о службѣ В. А. Гоголя, извлеченныя изъ подлиннаго дѣла: „Послѣ тщательной провѣрки,—сообщаетъ секретарь дворянства Полтавской губерніи,— относительно времени рожденія Василія Аѳанасьевича Гоголя-Яновскаго, произвoдства его въ корнеты и дальнѣйшей службы сообщается: „1) въ доношеніи отъ 1-го октября 1784 года, поданномъ отцомъ Василія Гоголя, полковымъ писаремъ Аѳанасіемъ Гоголемъ-Яновскимъ, въ кіевское дворянское собраніе, между прочимъ, сказано, что онъ имѣетъ отъ жены Татіаны сына Василія, по малолѣтству при немъ находящагося; 2) въ семейномъ спискѣ того же Аѳанасія Гоголя, поданномъ Зеньковскому маршалу 1798 года, подписанномъ Гоголемъ, въ чинѣ секундъ-майора, и маршаломъ Чернышемъ, въ особой графѣ значится: имѣетъ сына Василія, 15 лѣтъ". Далѣе идутъ свѣдѣнія, уже позднѣйшія, о Василіи Гоголѣ-Яновскомъ и заканчиваются сообщеніемъ, что въ числѣ доказательствъ на дворянство имѣется копія документа, изъ котораго видно, что „въ 1776 году состоялась урядовая запись на выдѣленныя женѣ Аѳанасія Гоголя, Татьянѣ, совмѣстно съ мужемъ, изъ имѣнія матери ея Лизогубовой, села съ посполитыми людьми;

слѣдовательно, Аѳанасій былъ женатъ уже въ 1776 году. Изъ другого же уступного запаса, сдѣланнаго въ 1781 году отцомъ жены Аѳанасія Гоголя, Бунчуковымъ товарищемъ Симеономъ Лизогубомъ, что онъ отписалъ въ Миргородскомъ полку, въ урочищѣ рѣки Голтвы, хутора дочери своей, Татьянѣ Яновской, и родившемуся отъ нея внуку его, Василію".

Это послѣднее имѣніе и есть Яновщина.

Итакъ, далѣе Аѳанасія Демьяновича родословная Гоголей не идетъ и не подтверждается ни документами, ни его біографами, ни дворянскими книгами. Остапъ Гоголь и Янъ Гоголь документально ничѣмъ не связаны съ предками Гоголя по мужской линіи.

Объ Аѳанасіи Демьяновичѣ, дальше котораго нейдутъ свѣдѣнія біографовъ, говорятъ, какъ сказано выше, что онъ кончилъ курсъ въ кіевской семинаріи и отецъ его былъ священникомъ въ Кононовкѣ, куда переселился изъ своихъ польскихъ имѣній родитель его, Янъ Гоголь.

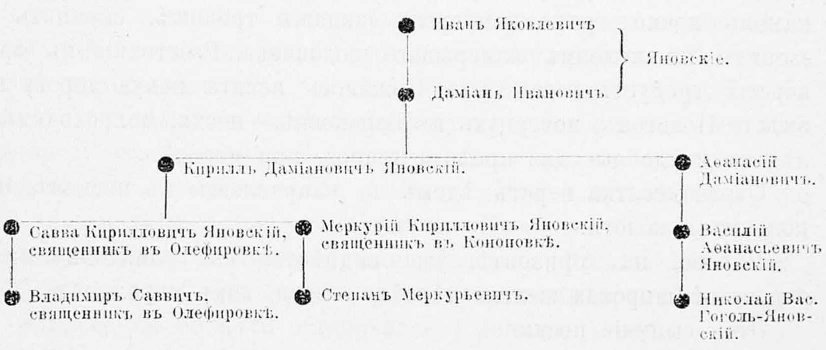
II.

Познакомлю съ добытыми мною данными о предкахъ нашего писателя.

Насколько они вѣрны, предоставляю судить болѣе свѣдущимъ. Я добылъ—что могъ.

Отецъ Аѳанасія былъ Демьянъ Ивановичъ, сынъ священника Троицкой церкви въ Лубнахъ, Ивана Яковлевича, посвященнаго въ діаконы въ 1698 году и въ священники, въ Троицкую церковь,— въ 1728 году. Демьянъ Ивановичъ родился въ Лубнахъ и, когда выстроена была въ с. Кононовкѣ, верстахъ въ четырехъ отъ Лубенъ, церковь, получилъ тамъ мѣсто священника.

Родословная Гоголя.

Въ церкви въ Большихъ Сорочинцахъ въ метрическихъ книгахъ 1809 года написано: „у помѣщика Василія Яновскаго родился сынъ Николай“.

Гоголя не упоминается.

Мнѣ удалось доискаться до вышеприведенной родословной только въ первыхъ числахъ текущаго февраля.

Считаю своимъ долгомъ разсказать подробно, какъ мнѣ удалось доискаться до родословной.

Два года уже въ Малороссіи и въ Москвѣ я занимаюсь добываньемъ свѣдѣній о Гоголѣ.

Въ январѣ текущаго года В. М. Базилевскій, котораго я зналъ студентомъ въ Москвѣ, проѣздомъ изъ Полтавы былъ у меня и сказалъ, что въ с. Олефировкѣ, имѣніи Данилевскихъ близъ Сорочинецъ, есть старикъ-священникъ о. Владиміръ Яновскій, у котораго хранятся какія-то гоголевскія бумаги, о которыхъ онъ лично слышалъ отъ о. Владиміра въ случайномъ разговорѣ, во время своего пребыванія въ Олефировкѣ. Какія именно бумаги,—г. Базилевскій не зналъ.

Заинтересовавшись, я немедленно выѣхалъ въ Миргородскій уѣздъ и 3 февраля былъ уже на станціи Сорочинцы, отстоящей отъ родины Гоголя, того же названія, въ 17 верстахъ.

Но оказалось, что пришлось сдѣлать около 25 верстъ, употребивъ на это чуть не пять часовъ, благодаря невозможно скверной дорогѣ.

Еще на станціи, на мое счастье, оказался парный экипажъ, на которомъ я отправился, конечно, шагомъ.

Распаханная степь будто засахарена утреннимъ инеемъ. Вѣтеръ, по временамъ достигающій силы урагана, промораживаетъ насквозь: онъ ужасенъ при отсутствіи снѣга, при 15^0 холода. Лошади едва движутся, натыкаясь на замерзшія, твердыя какъ камень кочки грязи, немудрый экипажъ трещитъ, скрипитъ и звенитъ по колеямъ замерзшаго солончака. Разстояніе въ три версты требуетъ часа ѣзды. Пришлось искать новую дорогу и, вмѣсто Пологовъ, повернуть къ Барановкѣ,—пески, непроходимые лѣтомъ и удобные для проѣзда теперь, при морозѣ.

Около десятка верстъ ѣдемъ по направленію къ пескамъ, по колеямъ и колоти.

Вправо, на горизонтѣ, уже виднѣется на громадномъ пространствѣ широкая желтая полоса, ровная, какъ море.

Это—сыпучіе пески.

Подъѣзжаешь ближе, и желтое пространство кажется живымъ, движущимся. Все какъ-то метлешится, волнуется, то мѣстами приподнимается кверху, то опускается опять. Все это желтое море живетъ: эти горы песковъ переносятся ураганомъ съ мѣста на мѣсто. И это теперь, когда песокъ замерзъ и вѣтру приходится его отрывать силой!

А лѣтомъ!..

И вотъ мы въ пескахъ. Лошади побѣжали рысью, колеса уже не прыгаютъ по колоти, а ровно катятся, какъ по асфальту. Зато холодный песокъ бьетъ до боли въ замерзшее лицо, засыпаетъ глаза, забирается въ платье и окутываетъ весь экипажъ, когда, по временамъ, налетаетъ тучей.

Но это все-таки лучше, чѣмъ ѣхать шагомъ по солончаку.

Вотъ направо—хуторъ Острижный, оригинальный по мѣсту положенія: громадная песчаная площадь; изъ среды этихъ желтыхъ горъ торчатъ изъ песка, занесенныя имъ на половину хаты...

Нашли мѣсто поселиться!

Впрочемъ, по ту сторону песку меньше: тамъ—красавица Барановка, раскинутая въ горахъ, съ водяными мельницами и вѣковыми дубовыми лѣсами...

Пески кончились.

Опять колоть. Опять шагомъ до самыхъ Сорочинецъ, по непроѣздной греблѣ, обсаженной дуплистыми столѣтними Екатерининскими вербами...

Измученный невозможной дорогой, я съ удовольствіемъ въѣхалъ на обширный дворъ усадьбы моего добраго знакомаго К. О. Новицкаго, у котораго всегда останавливаюсь. Послѣ вкуснаго обѣда, я поѣхалъ къ благочинному о. Севастіану Павловичу, справившись сначала на почтѣ объ ожидавшихся мною письмахъ.

Народу на почтѣ много: отправки, получки, справки. Почтовой конторой и разносной почтовой станціей завѣдуетъ одинъ единственный человѣчекъ, за 29 рублей въ мѣсяцъ работающій съ 7 часовъ утра до часа ночи. А дѣла много, только газетъ получается мало: Б. Сорочинцы съ одиннадцатитысячнымъ населеньемъ мало интересуются чтеніемъ. Здѣсь получается десятокъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, немного менѣе „Свѣта“, „Нивы“ и „Родины“, по два экземпляра „Вокругъ Свѣта“, „Хозяйка“, „Хуторянинъ“, „Кіевское Слово“, „Петербургская Газета“, „Русскій Инвалидъ“, „Русское Слово“—по экземпляру и два экземпляра „Хамелица“

Отъ почты по пути остановился у домика Гоголя.

Въ этой маленькой мазанкѣ родился великій писатель!

Теперь она принадлежитъ бывшему сорочинскому становому П. М. Ереськѣ, который въ той самой комнатѣ съ двумя окнами, выходящими въ садъ, гдѣ родился Гоголь, хранилъ полицейскій архивъ: документы Кувшиннаго рыла и Сквозника-Дмухановскаго.

А сколько разговоровъ было у меня насчетъ этого домика съ миргородскими дворянами, потомками героевъ Гоголя.

— Да не могъ онъ родиться въ этой несчастной мазанкѣ, не могъ, не могъ!—твердила важная миргородская помѣщица.

— Собственно говоря,—подтверждалъ мѣстный дворянинъ,— не могъ онъ родиться въ мазанкѣ. Вы посмотрите: ну, что это за хата? А вѣдь онъ нашъ дворянинъ, предки его... Положительно не могъ! Эти два оконца, эта низкая дверь... Притомъ Марья Ивановна Гоголева пользовалась громаднымъ почетомъ: ея не приняли бы во флигель, ее бы въ домъ пригласили...

— Да уже доказано,—возражаю я,—что Марія Ивановна на этотъ разъ остановилась во флигелѣ, по случаю съѣзда гостей въ домѣ Трахимовскаго.

— Ахъ, знаю я! Но сами посудите: такой великій писатель, нашъ дворянинъ... да еще какого стараго рода—и позволилъ себѣ родиться въ мазанкѣ... Pardon, это какъ-то не того... не возможно...

Не одинъ этотъ мой собесѣдникъ, а и многіе другіе не могутъ примириться, что великій Гоголь родился въ какихъ-то Сорочинцахъ, да еще въ мазанкѣ... Вдругъ полтавскій дворянинъ, потомокъ древняго рода—и въ мазанкѣ!

Будто не все равно, гдѣ и отъ кого родился геній!

Не все ли, наконецъ, равно, отъ кого родился Гоголь: отъ потомка ли польскаго выходца, невѣдомаго шляхтича Яна, или отъ казацкаго попа Демьяна?!

А если не все равно, то, во всякомъ случаѣ, можно предпочесть польскому дворянину суроваго, здороваго Лубенскаго полка попа.

Біографъ и лица близкія, окружавшія Гоголя, увлеченные стремленіемъ украинскихъ помѣщиковъ, существующимъ и до сихъ поръ, производить свой родъ отъ польскихъ пановъ, непремѣнно хотѣли, чтобы авторъ Тараса Бульбы происходилъ отъ польской крови.

Сколько я знаю и теперь помѣщиковъ на Украйнѣ, потомковъ славныхъ гетмановъ и полковниковъ, которые непремѣнно стараются произвести свой родъ отъ выходцевъ изъ Польши и Венгріи.

Въ пылу горячаго разговора одному такому пану съ почтенной украинской фамиліей, но гордящемуся придуманнымъ его родителями венгерскимъ происхожденіемъ, я указалъ какъ-то тащившагося мимо оконъ венгерца съ мышеловками:

— Вашъ родственникъ идетъ! Купите мышеловочку, поддержите соотчича!

Такъ обидѣлся и перечислился въ потомки казачества, но уже много послѣ!

III.

Съ о. Севастіаномъ Павловичемъ мы направились въ Олиферовку. Стемнѣло, когда мы подъѣхали къ старому, тѣнистому украинскому дому о. Владиміра Яновскаго. Въ большой залѣ, куда мы вошли, почти весь полъ былъ занятъ сушившейся пшеницей, такъ что пришлось часть ея отодвинуть, чтобы поставить столъ, мѣсто за которымъ мы заняли. Кромѣ о. Владиміра здѣсь находились его дочь и сынъ. О. Владиміръ въ августѣ текущаго года будетъ справлять пятидесятилѣтній юбилей своей бытности священникомъ въ селѣ Олиферовкѣ. Это—старичокъ небольшого роста, весьма симпатичный, добрый, энергичный и живой, несмотря на свои 82 года.

О. Владиміръ—троюродный братъ Гоголя. Онъ мнѣ и о. Севастіану разсказывалъ много интереснаго изъ украинской старины и, между прочимъ, сказалъ:

— Я что! Вотъ покойный отецъ мой, такъ тотъ зналъ! Гоголь къ нему не разъ, проѣзжая къ Александру Семеновичу Данилевскому въ Семереньку (2 версты отъ Олиферовки), заѣзжалъ, и отецъ много ему изъ старины разсказывалъ, а онъ записывалъ. За это даже отцу свою книгу, „Арабески", подарилъ.

Долго мы просидѣли у отца Владиміра. Онъ хорошо помнитъ Гоголя, который бывалъ у своего дяди, о. Саввы, когда о. Владиміръ былъ взрослымъ, и о. Савва называлъ Гоголя племянникомъ. Документовъ и бумагъ, лично относящихся къ Гоголю у о. Владиміра не нашлось, но зато у него хранились документы родовые, по которымъ можно прослѣдить генеалогію до 1697 года.

Это были ставленныя грамоты предковъ Гоголя, подтверждающія вышеприведенную мною таблицу.

Первыя грамоты, относящіяся къ 1697 году, выданы лубенскому

викарію Ивану Яковлеву, вторыя — сыну его, священнику села Кононовки Даміану Ивановичу, далѣе—сыну его Кириллу Даміановичу, а въ книгахъ олиферовской церкви затѣмъ значится священникъ Савва Кирилловичъ Яновскій, у котораго въ 1821 году родился сынъ Владиміръ, съ которымъ я бесѣдую.

Вотъ уставная грамота на имя Даміана Ивановича:

„Божіею Милостію Смиренный Митрофанъ, Митрополитъ Коринфскій. По благодати, дару же и власти Всесвятаго и Всеосвящающаго Духа отъ Великаго архіерея Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, данной смиренію нашему по указу же Его Императорскаго Величества и отъ Правленія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ Священнаго духовнаго консистору Архіепископіи Кіевской представленнаго намъ сего благоговѣйнаго православной церкви сына *Даміана Іоанновича* по опасномъ истязаніи и достовѣрномъ не токмо отъ внѣшнихъ, но и отъ слышавшаго исповѣди его отца духовнаго свидѣтельствѣ, первіе въ меньшіе чины, потомъ въ діакона, таже и на самый пресвитерства степень призываніемъ Святаго и Животворящаго Духа произведохомъ рукоположихомъ до Престолу и церкви Успенія Пресвятыя Богородицы въ село Кононувку протопопіи Лубенской по чиноположенію и обыкновенію Святыя Соборныя Православныя восточныя церкви, во еже ему святую литургію совершати, исповѣдующихся вязати и рѣшити и прочія Божественныя тайны по церковнымъ уставамъ и порядкамъ священнодѣйствовати. И однакъ тягчайшія и неудобо разсудительныя и рѣшительныя отъ него падежи долженъ своему Архіерею Кіевскому доносити и отъ престола и храму, до него же посвященъ не преходити, развѣ за благословеніемъ своего Архіерея Кіевскаго, присно же пещись о спасеніи душъ человѣческихъ, найпаче же своихъ парохіанъ богодухновеннымъ поученіемъ на вся благая наставляти, и самъ, добрый образъ бывая врученному себѣ стаду, да непостыдится въ день страшнаго испытанія владычня. Извѣстнѣйшаго же ради увѣренія дано ему отъ насъ сіе свидѣтельствованное писаніе, при подписаніи руки нашей и при печати Катедральной, 1731 мѣсяца іюня 21.

Смиренный Рафаилъ, Архіепископъ Кіевскій Ас.“

У о. Владиміра, кромѣ того, въ старой, пожелтѣвшей отъ времени книгѣ записана его родословная. Запись эта помѣчена 1850 годомъ и сдѣлана о. Владиміромъ со словъ одного своего

родственника. Въ ней сказано: 1) Иванъ Яковлевъ, выходецъ изъ Польши,—священникъ въ Лубнахъ, въ Троицкой церкви. Перевелся въ началѣ 1700 годовъ въ село Кононовку, въ новую церковь. 2) Даміанъ Ивановичъ Яновскій,—священникъ Кононовской церкви. 3) Аѳанасій Даміановичъ Гоголь-Яновскій, премьеръ майоръ Кириллъ Даміановичъ Яновскій, свящ. Кононовской церкви. 4) Меркурій и Савва Кирилловичи Яновскіе, Кононовка и Олефировка.

Получивъ такія данныя, я выѣхалъ немедленно въ Лубны, гдѣ посѣтилъ священниковъ, сначала—о. Ѳеодосія Лебединскаго, потомъ—о. Алексѣя Дамаскина. Имъ мало извѣстны древности лубенскія, но оба они мнѣ сдѣлали соотвѣтствующія указанія. Послѣдній, о. Алексѣй Дамаскинъ, между прочимъ, вспоминая свою юность, разсказалъ, какъ онъ видѣлъ Гоголя единственный разъ въ жизни, въ бытность свою ученикомъ переяславской семинаріи, гдѣ имѣлась въ тѣ времена, въ концѣ сороковыхъ годовъ, знаменитая, потомъ сгорѣвшая духовная библіотека. Вотъ въ эту-то библіотеку и пріѣзжалъ Н. В. Гоголь вмѣстѣ съ Т. Г. Шевченкомъ, гдѣ ихъ обоихъ и видѣли семинаристы.

Въ Лубнахъ мнѣ пришлось пробыть нѣсколько, и дальнѣйшія свѣдѣнія я получилъ отъ студента Я. И. Игнатовскаго, который сообщилъ мнѣ интересныя данныя, которыя и передаю.

„Въ церковномъ архивѣ с. Кононовки имѣется книга для вписанія въ оную имущества церковнаго и утвари Лубенскаго уѣзда по кононовской Успенской церкви. Выпись такова:

„Въ семъ селеніи были священники, какъ изъ отысканныхъ грамотъ значится, 1-й—Іоаннъ Яковлевъ Яновскій, рукоположенный въ 1679 году къ Троицкой, города Лубенъ, церкви на викарство преосвященнымъ Варлаамомъ Ясинскимъ, архіепископомъ кіевскимъ, какъ изъ грамотъ его значилось, до коей и село Кононовка приходомъ принадлежала, а по выстройкѣ въ селѣ Кононовкѣ первой деревянной церкви онъ, Яновскій, въ 1723 году переведенъ приходскимъ священникомъ. Священствовалъ въ селѣ Кононовкѣ черезъ девять лѣтъ, а гдѣ онъ чѣмъ пользовался—никому неизвѣстно, послѣ коего, за жизнь ли его или послѣ смерти—никому тоже неизвѣстно, поступилъ на мѣсто сынъ его.

„2-й—Даміанъ Ивановъ Яновскій, рукоположенный въ священники въ 1731 году іюня 21 дня преосвященнымъ Рафаиломъ Забаровскимъ, архіепископомъ кіевскимъ, какъ изъ отысканной грамоты значилось, пользовался своею собственностью и отъ прихожанъ доброхотнымъ подаяніемъ.

„3-й—сынъ его Кириллъ Даміановъ Яновскій, рукоположенный въ священника преосвященнымъ Гавріиломъ, митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ, но въ какомъ году—никому неизвѣстно. Сей, получивши отъ отца своего по наслѣдству и по раздѣлѣ съ братьями своими, поступившими въ разныя званія и должности, пятую часть благопріобрѣтеннаго имъ имѣнія жилъ и пользовался онымъ, а также и отъ добровольнаго подаянія прихожанъ за исправленіе мірскихъ требъ, по смерти коего въ 1794 году во время несовершеннолѣтія сыновей его, Меркурія и Саввы Яновскихъ, обучавшихся тогда въ кіевской академіи, за коими и штатное священническое мѣсто было предоставлено, рукоположенъ на діаконское мѣсто священникомъ.

„4-й—того же уѣзда села Вызовки Вознесенской церкви діаконъ Діонисій Козминскій въ 1796 году священствовалъ черезъ три года, пока изъ показанныхъ воспитанниковъ Кирилла Яновскаго сыновей старшій окончилъ курсъ ученія и поступилъ на штатное мѣсто священническое, а Кузьминскій по желанію былъ переведенъ въ свою родину, село Вязовокъ, приходскимъ священникомъ 1799 года, а когда тамъ умеръ,—неизвѣстно.

„5-й—священно-намѣстникъ Меркурій Кирилловъ Яновскій рукоположенъ преосвященнымъ Амфинофіемъ, епископомъ переяславскимъ и бориспольскимъ, въ 1796 году декабря 11 дня, пользовался новоотведенною ружною землею, за исправленіе мірскихъ требъ доброхотнымъ подаяніемъ и собственнымъ своимъ обзаведеніемъ. Сей священно-намѣстникъ умре 1872 года апрѣля 23 дня".

Вотъ все, что есть официальнаго по этому вопросу.

Въ уставныхъ грамотахъ о Владимирѣ фамилій не имѣется, а въ Лубнахъ имѣются фамиліи Яновскихъ.

Въ дворянской же грамотѣ отъ 1784 года октября 19 дня: „Кіевскаго намѣстничества дворянское собраніе разсматривало представленныя отъ полкового писаря Аѳанасія Гоголя-Яновскаго, съ которыхъ усмотрѣно: 1) что прадѣдъ его, Андрей Гоголь, будучи въ чинѣ полковничьемъ, жалованъ былъ привилегіею его величества короля польскаго Яна Казимира въ 1674 г. деревней Ольховецъ. 2) Что онъ владѣетъ жалованнымъ по универсалу бывшаго малороссійскаго гетмана и кавалера Разумовскаго дѣду жены его, полковнику Танскому, вмѣсто жалованной было Высочайшей грамотою блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государемъ Петромъ Алексѣевичемъ деревни Озерянъ, въ деревняхъ

Рѣшоткахъ, Липлянахъ, Бубновѣ и Келебердѣ состоящемъ; 3) что онъ, за усердно и добропорядочно продолженную имъ службу, произведенъ 1782 года іюня 7-го полковымъ писаремъ, въ увѣреніе чего, означенные его величества короля польскаго Яна Казимира, на село Ольховецъ данную привилегію на поданное въ мѣстечкахъ: Липлявѣ, Бубновѣ, и селѣ Келебердѣ, и деревнѣ Рѣшоткахъ, универсалъ, и на тѣ имѣнія отъ тестя его, бунчуковаго товарища Семена Лизогуба, данную ему уступку, а въ подтвержденіе того, что точно онъ тѣми имѣніями владѣетъ, выпись изъ суда земскаго черниговскаго 1776 г. выданную, также и на настоящій его полкового писаря чинъ, патентъ приложилъ. Для того разсудили помянутаго полкового писаря Яновскаго съ его дѣтьми внесть въ родословную дворянскую кіевскаго намѣстничества книгу, въ первую часть, и изготовить грамоту. Подлинную подписали губернскій предводитель Закревскій и уѣздные депутаты 8 уѣздовъ“.

Такимъ образомъ, сынъ священника Даміана Яновскаго здѣсь въ первый разъ присоединяетъ себѣ къ фамиліи слово „Гоголь“, кокового не имѣетъ никто изъ потомства родного его брата Кирилла. Имѣнія перешли къ нему отъ его жены, дочери Семена Лизогуба.

Н. В. Гоголь не любилъ, когда къ его фамиліи Гоголь, прибавляли Яновскій, и даже разъ выразился, что ему „Яновскаго прибавили поляки“. Первые же года своей жизни, до лицейскаго времени включительно, онъ подписывалъ свои письма „Гоголь-Яновскій“, а его отецъ писался только Яновскимъ.

Вотъ все, что я собралъ на родинѣ великаго писателя.

Въ Москвѣ.

Въ розыскахъ памяти Гоголя въ Москвѣ я познакомился съ Ю. А. Троицкой, бывшей компаньонкой гр. Толстой, ея довѣреннымъ лицомъ и постоянной собесѣдницей.

Графиня часто вспоминала и много говорила о Гоголѣ, котораго очень любила. Между прочимъ, она не разъ разсказывала Юліи Арсеньевнѣ, какъ она слушала послѣднюю часть „Мертвыхъ душъ“. Она разсказывала, что при чтеніи поэтомъ рукописи находились въ числѣ другихъ княгиня Потемкина и графиня Апра-

ксина, и она, чтобы не задремать, такъ какъ имѣла привычку, когда слушаетъ сидя, засыпать при чтеніи, на этотъ разъ нарочно сѣла въ кожаное кресло, долго пересиливала себя, а потомъ и уснула.

— Такъ и сползла съ кресла-то, Юлинька, такъ и сползла!— заключала она свой разсказъ.

Грузинка родомъ, набожная до крайности, графиня Толстая съ молодыхъ лѣтъ окружила себя духовными особами, чему не мало способствовала высокая должность ея мужа. И митрополитъ Филаретъ и знаменитый аскетъ, отецъ Матвѣй, одного вида котораго передъ смертью пугался Гоголь, и множество другихъ духовныхъ особъ каждый праздникъ посѣщали, въ Гоголевскія времена, А. Г. Толстую, жившую тогда въ д. Талызина, на Никитскомъ бул. Графиня Толстая и собранный ею около себя кружокъ имѣли громадное вліяніе на духовное перерожденіе Гоголя. Есть слухи, что въ рукописи послѣдней части „Мертвыхъ душъ“ были выведены и многія лица, съ которыми Гоголь встрѣчался въ послѣдніе года жизни, и что, прочитавъ эту недошедшую до насъ часть, можно было сразу понять, что въ знаменитой повѣсти своей авторъ имѣлъ въ виду не одну легенду о покупкѣ съ разными цѣлями ревизскихъ душъ, а вывелъ дѣйствительно мертвыя души.

Гоголь, прочитавъ эту часть окружавшимъ тогда его лицамъ на Никитскомъ бульварѣ, ѣздилъ затѣмъ съ ней для прочтенія къ митрополиту Филарету, и... рукописи не стало.

Она была сожжена.

Особенно часто вспоминала Гоголя графиня Толстая постомъ. Она постилась до крайней степени. Очень часто любила ѣсть тюрю изъ хлѣба, картофеля, кваса и лука и каждый разъ за этимъ кушаньемъ говорила:

— И Гоголь любилъ кушать тюрю. Мы часто съ нимъ ѣли тюрю.

Настольной книгой графини были „Слова и рѣчи преосвященнаго Іакова, епископа нижегородскаго и арзамасскаго“, изд. 1849 г. Она, умершая въ 1892 году, 92 лѣтъ отроду, читала ихъ до самой смерти и показывала Ю. В. тѣ отмѣтки карандашомъ, которыя дѣлалъ Гоголь, ежедневно читавшій ей эти проповѣди. По словамъ графини, она обыкновенно ходила по террасѣ, чтобъ не уснуть, и Гоголь, сидя въ креслѣ, читалъ ей и объяснялъ значеніе прочитаннаго. Самымъ любимымъ мѣстомъ книги у Гоголя была въ I т., стр. 166, „слово о пользѣ поста и молитвы“. Эта

глава была всегда загнута, и въ ней подчеркнуты многія строки, какъ, напримѣръ: „Страсти и нынѣ таковыя же,—помрачаютъ разсудокъ, и т. д.“. „Православнымъ христіанамъ извѣстно по опыту, что постъ многихъ похотливыхъ сдѣлалъ цѣломудренными, гнѣвливыхъ—кроткими, буйныхъ—скромными, гордыхъ—смиренными“. Чѣмъ усерднѣе подвигъ поста и молитвы, тѣмъ по милости Божіей святое причастіе больше оказываетъ силы и дѣйствія на души наши“, „Жалуются намъ христіане, что они мало ощущаютъ утѣшенія отъ причастія святыхъ Таинъ“.

Во 2-й и 3-й книгахъ отмѣтокъ нѣтъ. Все вниманіе Гоголя, а потомъ и графини, несомнѣнно, не менѣе о. Матвѣя повліявшей на религіозное настроеніе поэта, заключалось въ этой главѣ.

Кромѣ этихъ книгъ, въ особомъ ларцѣ хранились у графини два ея любимыхъ письма Гоголя, одно—къ о. Матвѣю, и другое—къ графу А. П. Толстому, которыя она часто перечитывала. Письма эти послѣ смерти графини достались Ю. А. Троицкой, какъ самому приближенному къ ней лицу, которая и передала ихъ мнѣ. Оба письма представляютъ несомнѣнный интересъ. Первое изъ нихъ было уже напечатано на стр. 458-й изданія писемъ В. И. Шенрока, но только въ другомъ, измѣненномъ видѣ. Письмо это сначала было напечатано въ *Русской Старинѣ*, откуда и взято въ отдѣльное изданіе. Въ первомъ томѣ писемъ Гоголя В. И. Шенрокъ заключаетъ предисловіе слѣдующими словами: „Не можемъ не выразить крайняго сожалѣнія по поводу того, что покойная княгиня А. В. Голицына, въ силу страннаго завѣщанія графини А. Г. Толстой, отказала намъ въ провѣркѣ по подлинникамъ писемъ Гоголя къ Толстымъ“. Вслѣдствіе этого и письмо къ о. Матвѣю, оригиналъ котораго былъ у графини, не могло быть провѣрено и потому явилось въ измѣненномъ видѣ, согласно неточно списанной копіи съ него.

Письмо Гоголя къ отцу Матвѣю, напечатанное въ измѣненномъ видѣ въ письмахъ, собранныхъ В. И. Шенрокомъ, благодаря тому что г. Кулишъ печаталъ его не съ оригинала, а съ копіи, относится къ 1847 году и писано было изъ Неаполя. Письмо это, въ которомъ Гоголь скорбитъ душой передъ укоряющимъ его отцомъ Матвѣемъ, чрезвычайно интересно, но въ немъ пропущено болѣе десяти строкъ сравнительно съ оригиналомъ. Гоголь, оправдываясь, говоритъ, что книги его не отъ дурного умысла, и добавляетъ (пропущено въ печати): „Виной было неразумѣніе мое и самонадѣянность, меня увѣрившая, что я готовъ

уже заговорить о томъ, о чемъ еще не умѣлъ умно заговорить". Далѣе пропущено и измѣнено много отдѣльныхъ словъ и строкъ. Затѣмъ, въ оригиналѣ нѣтъ заключительныхъ строкъ Гоголя, которыя откуда-то появились въ напечатанномъ письмѣ.

Привожу цѣликомъ 2-е письмо, къ гр. А. П. Толстому, ненапечатанное нигдѣ:

Неизданное письмо Гоголя.

Письмо къ графу А. П. Толстому.

„À Paris. Son exellence m. le C. Alexandre Tolstoy. Paris. Rue de la paix, Hôtel Westminster, № 9.

5-го марта.

„До Франкфурта добрался благополучно, хотя на четвертый день и притомъ поздно вечеромъ, а потому и пишу къ вамъ уже на другой день. Въ разстояніи двѣнадцати часовъ отъ Парижа, я встрѣтилъ зиму со снѣгомъ, которымъ издавна были покрыты постоянно всѣ поля, а подальше—морозъ. Во Франкфуртѣ постоянно съ первыхъ чиселъ генваря держится снѣгъ и солнце. Нѣмцы жуируютъ на санкахъ. У Жуковскаго въ домѣ все благополучно. Здѣсь засталъ я для меня книги, весьма нужныя, присланныя мнѣ Иваномъ Петровичемъ, но отъ него—ни строки: какимъ путемъ онѣ дошли, того не знаю. Дорога меня (несмотря на то, что погода была не очень завидна), кажется, подкрѣпила. Итакъ, смотрите же, молитвъ обо мнѣ никакъ не отлагайте. Молитесь сильно и крѣпко, молитесь, чтобы Богъ не отлучился отъ меня ни на минуту и чтобы услышалъ молитвы, усиливая силу моленій ихъ: вы не будете отъ этого въ убыткѣ. Все же, что ни говорилъ я относительно Великаго поста и предстоящихъ вамъ подвиговъ говѣнія и пощенія, вы помните съ буквальною точностью, какъ бы она ни казалась вамъ ненужною или неидущею къ дѣлу. Наложите также на себя обѣтъ добровольнаго воздержанія *въ словѣ* во все продолженіе этого времени, а именно: 1) говорить болѣе *съ дамами*, нежели *съ мужчинами;* 2) въ разговорѣ съ мужчинами, *о чемъ бы* то ни было, старайтесь заставлять ихъ говорить, а не себя; 3) не спорить ни о чемъ сильно и не обращать никого въ православіе, ибо для того, чтобы обратить кого, нужно прежде самому обратиться, а для того, чтобы спорить въ чемъ-либо сильно,

нужно быть слишкомъ самонадѣяну и увѣрену въ умѣ своемъ, умѣющемъ видѣть одну только правую сторону вещи. То и другое во время Великаго поста можетъ оказаться похожимъ на что-то слишкомъ чуждое смиренію и будетъ останавливать ежеминутно крылья души нашей, готовыя распрямиться къ возлетанію отъ ревностнаго исполненія поста. Не пренебрегите же и этими мелочами и выполните послушно, какъ ребенокъ, какъ ученикъ, какъ въ монастырѣ умный монахъ нарочно подчиняется глупѣйшему, дабы на время умѣть покориться.

„Пишите какъ можно чаще ко мнѣ во все время Великаго поста. Помѣщайте въ вашихъ письмахъ статьи, результаты разговоровъ, слушаній, чтеній и, наконецъ, результаты душевные ваши и молитесь сильнѣе и крѣпче обо мнѣ грѣшномъ.

Весь вашъ Г.

„Графинѣ душевный поклонъ".

Приписка.

„Прилагаемую записку передайте графинямъ и увѣдомьте меня, какъ часто съ ними видитесь и о чемъ говорите. Видѣться съ ними почаще вамъ *нужно*. Познакомьтесь еще съ графиней Сиркуръ и дайте мнѣ свѣдѣніе о ней, точно ли она такъ умна, какъ говорятъ, въ какомъ родѣ умъ и въ такой ли степени, какъ говоритъ Тургеневъ. Еще перешлите это небольшое письмецо Бѣляеву съ Жозефомъ, онъ знаетъ его квартиру. Жуковскій вамъ искренно кланяется. Четыре дня назадъ тому, онъ отправилъ вамъ два моихъ письма, возвратите ихъ немедленно во Франкфуртъ по извѣстному вамъ адресу, въ особомъ пакетѣ, съ присоединеніемъ вашего собственнаго. Скажите еще, отчего вы вручили мнѣ деньги вдвойнѣ противъ тѣхъ, которыя мнѣ слѣдовали? По ошибкѣ ли, или же по предположенію, что мнѣ въ нихъ будетъ настоять нужда? Я обсмотрѣлся и увидѣлъ это только во Франкфуртѣ, а принимая отъ васъ въ Парижѣ, не сосчиталъ. Впрочемъ, объ этомъ поговоримъ при первомъ, между нами послѣдующемъ свиданіи".

Этимъ письмо, прекрасно сохранившееся, закончено.

Отыскано мной въ Москвѣ, въ январѣ 1902 года.

Разъясненіе.

На 29 страницѣ, въ свѣдѣніи о часахъ Гоголя было напечатано, какъ и во всѣхъ другихъ журналахъ и газетахъ, что часы Гоголя, подаренные ему Жуковскимъ, были взяты у Пушкина 22-го февраля; по разъясненію сына поэта, Александра Александровича Пушкина, оказывается, что часы А. С. Пушкина никогда не были ни у Жуковскаго ни у Гоголя, а находились у дѣтей поэта и были у нихъ похищены въ 1854 году.

Цѣна 25 коп.